

Екатерина Звонцова

18+

ТЕОРИЯ БЕСКОНЕЧНЫХ ОБЪЕКТОВ

Екатерина Звонцова
Теория бесконечных обезьян
Серия «Теория бесконечных
обезьян», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68307512

Теория бесконечных обезьян:

ISBN 978-5-6046532-8-9

Аннотация

Неожиданная гибель писательницы Варвары Перовой оставляет глубокую рану в душе любивших ее людей – редактора Павла, коллеги по перу Джуда и читателя, следователя Дмитрия. Каждый из них по-своему справляется с потерей: один пытается собрать воедино дорогие воспоминания, второй бросает вызов окутывающим Варины книги загадкам, а третий ищет ее убийцу. Миры этих людей почти не пересекаются, однако случившееся заставляет каждого переосмыслить собственную жизнь.

Содержание

Пролог	5
Время назад. История болезни	17
1. Красные губы	27
2. Мальчики	53
3. Живущие во тьме, дающие свет	71
4. Прокуренная реальность	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Екатерина Звонцова

Теория бесконечных обезьян

© Екатерина Звонцова, 2021

© Lorenzo Conti, иллюстрация на обложке, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books,
2022

Никто из персонажей этой книги не живет и никогда не жил в нашем мире и не ходил с нами по одним улицам. Любые совпадения с реальными людьми и пересечения событий/судеб случайны.

Пролог

Варя лежит – мертвая на бензиновой радуге асфальта. С изломанными руками и ногами, с липким красным ореолом вокруг головы. Ветер пахнет железом – из-за ее крови. Из-за крови, не из-за металлических же взглядов молодого следователя и его помощника, рассматривающих тело. Следователи ведь?.. Оба в гражданском, но глаза эти, глаза – Варя такие зовет офицерскими. Зовет и улыбается.

Звала. И улыбалась, задумчиво поднося к губам гладкую льняную прядь.

– Вы ей кто? – звучит низко, напряженно, из ниоткуда.

...Она любила людей в форме, у нее и в романах их было много. Все разные – старые и молодые, обоих полов, русские и иностранцы, без страха и упрека и оборотни. Где только эти ребята не служили, от Тулы до далеких астероидов. Варя вечно спрашивала: «Нет, правда, почему их всё меньше там, где заканчивается мягкий дачно-диванный детектив? Почему всюду одни Башмачкины, Мастеры и Вертеры?» Я думал еще: «С тобой, Варь, точно ничего не случится». Казалось, невидимые менты всех мастей окружают ее плотным кольцом, закрывают щитами и грудью и не дадут в обиду. Но, видимо, проку от inferнальных книжных ментов не больше, чем от настоящих.

Ну Паи, не ворчи.

Варя не любит, когда я грешу на людей в погонах. Варя не любила. Прошедшее время, оно отныне будет везде, потому что эти самые люди ее не защитили. И теперь Варя лежит с красным нимбом, расплзающимся по бензиновой радуге.

– Вы ей кем приходитесь? – спрашивают настойчивее, после недолгого угрожающего кашля.

Темноволосый бледный следователь с точеным инквизиторским лицом, наверное, курит как три дореволюционных паровоза. Варины менты тоже курят. А ну как закурит прямо здесь, на месте так называемого... нет, не преступления пока, только неумолимо обращающегося в него происшествия. Что, казалось бы, такого? Многоэтажка, длинная, как коробка каминных спичек. Открытое окошко, занавесочки качаются на четвертом всего-то этаже – белые, кружевные, старушечьи. Упавшая девушка – худенькая, беленькая, без кольца на безымянном, без детей и пса, без несчастной любви за плечами. Варя. Моя.

– Гражданин! Я к вам обращаюсь.

Официально, почти по-советски, голос – «рык породистого Барбоса, который вроде и с цепи сорвался, а вроде помнит, что хозяин – академик и надо марку держать». Цитата из Вариного авантюрного детектива «Не только стулья», пятой по счету изданной книги. Вот так описывается тамошний следователь – глазами авантюриста-цыгана, с которым они потом споются, будут друзья не разлей вода и уже вместе раскроют подпольный синдикат охотников за дореволюционны-

ми сокровищами. Ненавижу ментов. И цыган. Всех ненавижу сейчас, хотя час назад вполне сосуществовали, полвека почти сосуществовали в другой реальности, ныне разбитой. Реальности ведь не выдерживают смерти, как керамическая посуда не выдерживает хлестких и злых поцелуев с кафелем. Вечно остаются трещины, слезы, разводы чая, крови, мозгов... сколько теперь трещин в Варином черепе? Лицо-то... цело почти, как живое, белое и святое.

– Дим...

По-домашнему обратились, никаких «товарищей капитанов» или кто там этот чернявый? Хотя глаза у белобрысого заполошенного помощника тоже офицерские – не серые, а зеленые, нагло-кошачьи, и все равно... такие. Видишь, Варь? Варь, ты про них напишешь? Смотри, какие типажи для чего-то с замахом на полумифическую «боллитру». Ты же давно хотела опять туда, Варя, ты ударилась в фэнтези в последний год. В этот, как его зовут, «спасительный эскапизм». От кого ты бежала? Хотя ты не бежала. Как ты говорила тому фейсбучному законодателю моды на актуальность? «Если, чтобы найти в книге злобу дня, вам непременно нужны блогер, травма детства и Петербург Достоевского, то у меня для вас плохие новости»? А он потом углядел вожака свою актуальность в твоей космической притче о Марсе и номинировал тебя на НОС. Смешно, да?

Варя лежит. Варя не улыбается. Нимб все натекает, натекает, неумолимо ржавея...

– Дим, он ж не в себе, смотри. Ща нам тут сблеванет. Убийрай его отсюда.

Они переглядываются – как те, кто давно бок о бок. Давно и тесно настолько, что не надо ни «субординацию потерял?», ни «сам вижу», ни «иди лучше показания сними, вон, смотри, консержка мнется; у нее маразм, скоро точно все забудет». Парень идет молча – к кольцу любопытных глаз и глоток, к ухоженной старушке в красном платье, в каком скорее в Большой на «Щелкунчика», чем дежурить у лифта. Это из-за нее – сразу менты. Она девицу, пришедшую «к подружке», в подъезд впустила, потом только спохватилась, что девица «странноватая, дерганая, глазами все шныр-шныр». Зачем тогда впустила? И как потом проворонила? Никого ведь не нашли, только открытое окно.

Варя спиной вперед падала. Она сама бы так не стала убиваться, она и голову почти не поднимала: ни в глаза людям не глядела на презентациях, ни в небо, если гуляла. Говорила, что небо большое, давит, особенно весной – когда серое, звенящее, ошалелое от бегущих в увольнительную туч и летящих домой птиц. Как сейчас. Варя бы упала, упрямо глядя не в штормовые эти чудовищные облака, а в землю. Не лежала бы теперь так кинематографично, нуарно и бутафорски.

Варя бы...

Варя вообще бы не упала.

Она не стала бы собирать толпу: вдруг бабушки, дети, беременные, слабосердечные? Она не стала бы даже смердеть

своим разлагающимся телом в квартире: у нее соседи хорошие. Она их любит, даже тех, этажом выше, которые недавно родили; она и орущего младенца, не дающего ей нормально работать, любит. Варя пришла бы в парк – в тот глухой уголок за пончиковой, где морг рядышком, через ограду, – и интеллигентно пустила бы пулю себе в висок, из собственного пистолета. У нее же был от отца, незаконно, зато настоящий: «Это, Паш, моя мечта детства, вот и прячу». Странные бывают мечты: у кого котенок, у кого легонький легендарный «Скиф» из 90-х. Так что все бы сделала тихо, но прозрачно. Чтобы ни работы таким вот «железным» мальчикам, ни душевных травм утренним бегунам, ни лишней транспортной возни сотрудникам единственного в Шуйском трупохранилища.

Варю убили. Я знаю.

Следователь смотрит по-человечески и говорит почему-то тоже беззлобно. Будто из болота меня вытягивая или спасая от неумолимого неуда, подсказывает:

– Вы ее муж? – Он щурится; ну и тенищи под глазами, неужели впрямь работа – волк? Самостоятельно решив, что я не муж, староват, он уточняет: – Брат? Отец?..

Губы облизываю, а они как стекло: обветрились, и я их искусал. Следователь устало ждет. «Дима» – так его зовет тот, на побегушках? Не похож на Диму, а вот на товарища капитана – да. Варь, смотри. Варь, поговори с ним. Он же из этой вот породы «вдохновляющих», про которых загадочные

записи в дневниках и которым такие же загадочные посвящения вместо эпитафий. Варя, а ты не вела дневник, только инстаграм, а в эпитафиях у тебя были Шекспир, Чехов, Набоков, а еще иногда Блейк. Никаких посвящений; никакой этой, как ты выражалась, персональной пошлости. Я ведь помню твое «Это как для учителя завести любимчика, фу». Ты так обижалась, Варь: тебе-то книг не посвящали. И злилась: тебе некому было быть обязанной за вдохновение, кроме себя. Ты сама призналась, когда мы твою первую издавали, помнишь, и редактор предложила добавить благодарности? Ты сказала: «Нет» – как отрезала. И потом перед каждым прологом метко, зло стреляла стихами и прозой.

«Tyger, Tyger, burning bright»¹.

«Но что для них ваш зов, милорд?..»²

«Ich sterbe»³. Это я особенно помню.

– Вы случайно не соседи?.. – Следовательно все тянет, тянет меня из болота оцепенения за седеющие мюнхгаузенские патлы. – Вы...

– Я ее редактор, – произношу чужими стеклянными губами, наверное невнятно, и повторяю зачем-то по слогам, как ребенку: – Ре-дак-тор. – Слегка взмахиваю почтенным, два-

---

¹ «Тигр». У. Блэйк, 1794.

² «Генрих IV». У. Шекспир, 1597. Цитируется в переводе Е. Звонцовой.

³ «Я умираю» (нем.). Одна из последних фраз, сказанных на смертном одре А. П. Чеховым. Источник: Игорь Клех. «Чехов: Ich sterbe. Версия». Опубликовано в журнале «Знамя», № 2, 2003.

дцати пяти лет от роду портфелем: коричневая кожа, квадратная застежка, никаких лейблов на виду. – Договор привез. И вот...

Сотрудник органов – настоящий, не из Вариных книг, где менты иногда Шопенгауэра цитируют, – интересно, вообще может знать, что за зверь редактор? Или это для него как риэлтор, репетитор или аж редуктор – не человек, но механизм? Или...

– Так она писала книги?

Я киваю. Мне неожиданно легче, будто после укола обезболивающего; легче ровно на секунду, а потом снова – взгляд вниз. Бензин, красный нимб, волосы светлые, слипшиеся... очки. Очки в стороне валяются, разбился только правый из круглых, как у Счастливо Выжившего Мальчика, окуляров, левый цел, но тоже в крови.

– Да, если вдруг вам о чем-то говорит псевдоним такой – Ванилла Калиостро...

– Говорит, даже очень. Странно, правда?

Расстроенным голосом – первое. А вот второй фразой он меня пытается уязвить – мирно, замученно, как бы давая понять: мало у него этих трупов, «висяков», чтоб еще умники умничали, взирая на него с вершин своей гражданской эрудиции.

– Читали, что ли? – Почти выходит тон поровнее, полюбопытнее.

– Читал. – Стальная боль в двух слогах. – И очень нрави-

лось.

– А я эти книги издавал.

А еще я... нет. Не сейчас. Не могу.

– Ладно... – Слова будто мимо него проскальзывают, гордая голова уже занята другим. – Будем разбираться. Картина понятная: что-то тут не то, это она едва ли сама прыгнула.

Он тоже смотрит на очки, вроде хочет шагнуть и подобрать их, но в последний момент останавливается. Подбородком поводит – на лохматого помощника, на старушку в красном. Ткань платья консержки – как гробовая подкладка и как Варин кровавый нимб. Переносицу «Дима» так потирает, будто ему цвет режет глаза. А потом опять – серый взор на меня в упор. Тоже пытается смягчиться, тоже выходит плохо.

– Вам не стоит здесь находиться, скоро опер придет и будет орать. – Вздох. – Да и вас... правда, будто вырвет сейчас. Это лишнее.

– Нечем, не беспокойтесь.

Нечем блевать, кроме любви. И, сглатывая даже ее, гноящуюся, ворочающуюся между горлом и грудью, я поскорее произношу:

– Я звонил Варваре Петровне Перовой утром – она была спокойна, в хорошем настроении. Мы договорились вместе у нее пообедать, и вот я приехал. Не поднимался. В магазин даже не успел зайти, он у нее там... – Машу зачем-то на совкового пошиба гастроном с синей врущей вывеской «Вся на свете еда». Не вся, даже помидоров нормальных обычно нет,

Варя их на рынке брала – большие, «бычье сердце». – Это все, что сразу в голову приходит, не для протокола. Остальное, что понадобится, готов...

– Вас пока не опрашивают. Тем более не допрашивают. Следствию, что ли, помогать рветесь? – Вскидывается одна широкая, с геометрическим изломом бровь. – Начитались ее книг? Там часто нам помогают? Чаше, чем морды пытаются бить и жалобы писать?

Желчно. Устало. Может, еще митинги помянет и провокации? Всяких там молоденьких борцов с системой, плакаты, камни, крики и прочие проблемы коллег? И, конечно же, хештеги – хештеги вроде бы сейчас сильнее камней. Сложно его не понять. В большой государственной семье кризисы доверия – вещи обычно взаимные, как, впрочем, в семье любой.

– Вы же сказали, что сами читаете. – Стараюсь улыбнуться, чтобы не нагнетать.

Вместо честного: «Да любил, вот и рвусь». С ним так не надо, ему, вероятно, плевать, с ним лучше по-деловому. Любовь станет важной уликой, только когда добавится к материалам следствия, а пока под эти материалы даже папки нет. Будет ли?

– Читал. – Он кивает. – Фэнтези, фантастику. А вот коллег и так каждый день вижу. – Усмехается. – И не сомневаюсь почему-то, что убитая... Калиостро... всех настоящими выписала, до тошноты, она умеет. Так что сыт. Оставил на

ПОТОМ.

Молчу. Что сказать? Сам не стал бы читать про редакторов, хватает рожи в зеркале – квадратной, будто вытесанной прилежным учеником скульптора, по всем клише: тонкие губы, «мужественный» подбородок и «римский» нос. Даже щеки пока по-бульдожьи не обвисли, а вот седина... больше, больше. Я древнеримский штамп. Варя так и дразнила.

– Так что... мы у нее на себя похожи? – спрашивает за чем-то «Дима».

Вместо того чтобы проводить пресловутые «следственные мероприятия». Вместо того чтобы хоть с Варькой сделать что-то. Забрать в морг. Укрыть... она в халате ведь, просто в халате, бежевом, прокуренном, кофе пропахшем. Запах этот вместе с запахом железа, в ветре. А на дворе холодно. Укрыть... ах да, еще же осмотреть, наверное. Все эти «смерть наступила в...», «смерть наступила от...». Это мне достаточно, что смерть просто наступила, на меня наступила колоссовой, заскорузлой, серой, как весеннее небо, лапой.

– Вполне, – почти сплевываю это и делаю осторожный шаг назад. И еще. Еще.

– Правильно. – Он выдыхает, будто бы с облегчением. – Пока вы только мешаете. Как вас?.. Где вы?..

Рубленные вопросы, глаголы высланы за сто первый, но мне не привыкать: многие авторы тоже излишне жалуют пресловутый лаконизм. «Проще» – модно, «без завитушек» – стильно, а «парцелляция» – мировой бренд. Чехов, давно

и безнадежно *verstorben* Чехов, заявил сдуру, что краткость – сестра таланта; подзабыл, правда, другую его родственницу – понятность, вечно затаптываемую в кровавую лепешку. Впрочем, следователь понятность не затоптал, а наоборот, высоко поднял за шиворот благодаря новому, строгому, даже канцелярскому какому-то тону.

– Меня зовут Павел Викторович Черкасов. Возглавляю редакцию художественной литературы в издательстве «Аргус Паноптес», проще всего застать меня в офисе. Номер корпоративного телефона...

– Загуглим, – на молодежном (для его подкрадывающихся тридцати в самый раз) сленге, чуть потеплее и помягче, уверяет меня «Дима». – Если будет нужно.

Может и не быть. Если менты в книжках у тебя, Варь, ненастоящие и бросят все к чертовой матери уже завтра. Они же тебя не защитили, понимаешь? Не защитили, мрази. А эти – живые – разве будут искать «девицу с глазами шныршныр»? Будут? У них отчетность, статистика раскрываемости. У них маленький городок, мало оперативников и сучливое начальство. У них...

– Павел!

Окликает, когда я уже иду к гомонящей толпе сочувствующих горю и сочащихся любопытством, к красному платью консьержки, к белым вихрам безымянного следовательского помощника. Оборачиваюсь. «Дима» все-таки закурил на месте... преступления. Закурил, но киношным не стал – на-

оборот, бледно-серым и сторбленным, как-то младше и понятнее.

– Дело обязательно будет возбуждено. Мы попытаемся наказать виновного. И... мне жаль.

Варь, они и у тебя так говорят иногда – высокопарно немного, наивно, с категорическими императивами вроде «обязательно», правда, без осторожного этого, на носочках ступающего в пакостную уголовную рутину «попытаемся». Варь, хочется верить. Верить, что ты не зря была их литературной *patron saint*.

У них, наверное, совесть; у этого – точно. А еще он, скорее всего, любит твоего смертельно больного и столь же смертельно благородного Огдена, Опалового рыцаря из «Голодных вершин». Того типа, который путешествует по Миру Пустых Мостов и защищает выживших после Крушения жителей, а в конце обращается в изваяние и сквозь него прорастают эдельвейсы. Первые за много веков цветы на планете, которую заповили разумные, пожирающие людей и источающие ядовитый газ горы.

Да, у «Димы» – совесть.

А у меня – только огромная дыра в груди вместо тебя, Варь.

Время назад. История болезни

В его мире небо такое огромное и синее, что тонет в море, как иногда одна грань сапфира незримо сливается с другой. В ее мире небо забыло свой цвет и спряталось – за каменными коробками гробоэтажек и торчащими из них сутулыми скелетами антенн.

Его мир поет шумом прибоя и протяжными чаячьими криками: «Вперед!», «Всегда!», «Свободу!» Ее мир полнится визгливыми жалобами машин, вечно застревающих в пробках: «За что?..», «Когда?..», «Зачем?..»

Его мир пахнет солью и солнцем, греющим тысячи цветущих трав и вековых камней. В ее мире кислый запах кофе по цене поездки в метро не отличить от кислого же запаха кофе по цене коробки «Рафаэлло».

В его мире люди не падают с неба на палубы спящих кораблей. В ее мире есть сказка о Стране Чудес, где, провалившись в кроличью нору, можно упасть куда угодно.

В его мире девушки боятся своей тени, косых взглядов и городов, где живут, – носят закрытые платья, прячут глаза и идут под венец не по любви. В ее мире девушки фехтуют, гуляют по потемкам до рассвета и знают больше тайных дорог, чем лучшие следопыты и воры, а иногда сами пишут эти дороги себе и другим. Кто-то – меткими стройными текстами в книгах и блогах; кто-то – движущимися по экранам об-

разами; кто-то – тысячами символов, превращающих выверенные коды в магические порталы.

В его мире он всегда был в толпе – но один. В ее мире она всегда была в толпе – но одна. Сейчас они вместе. У их «вместе» вкус бриза и лунного отражения.

– А-ли-са, – по слогам, медленно, потом быстрее и увереннее: – Алиса! Да?

– Да, правильно. Быстро выучил...

Под ногами плещется сонная вода, вдали темнеет архипелаг. Они широко раскинулись, эти острова, так широко и так плывут в тумане, что облепленные светлячками скалы и руины дворцов похожи на обычные московские новостройки. Можно представлять, что каждый светляк – окно, за каждым окном – семья, а в каждой семье – что-то интересное: новорожденный с разноцветными глазами, крокодильчик-питомец в аквариуме, папа-балерун из Большого театра. Так нравилось воображать в детстве, пока соседка не объяснила все на их собственной гробозажке: мол, вон за тем окном алкашня, чья дочь в детдоме; за тем – одинокая бухгалтерша бьет сумасшедшую мать, которой мерещатся черти; а за тем две недели назад котят утопили в розовой детской ванночке, шестерых, некуда было деть. Алиса заупрямилась: она не разлюбила тогда выдумывать истории, а только перестала любить свой дом. Потом, потихоньку – свой район. Город. Страну. И мир. Интересная штука – геометрическая прогрессия. Особенно когда в ней, как в черноземе, растет

нелюбовь, и вот уже – раз! – выросла ненависть. Созревшая, налившаяся ядовитым багрянцем и, словно осенние яблоки, оттянувшая карманы, она оказалась хорошей подпиткой, чтобы строить другие миры. Без балерунов и розовых ванночек с мертвыми котятами, зато...

– С тобой мы обязательно отвоюем город у доктора-инквизитора, Алиса. Ты замечательная. Ты так нам нужна. Ты...

...Твоя.

– А потом?..

– Потом у всех у нас снова будет дом и никого не будут жечь на кострах.

Вот он о чем. Да, конечно.

– Холодно что-то.

В ее мире после этих слов мужчина снимает брендовый пиджак, пропахший каким-нибудь одеколоном с вульгарным именем вроде Хьюго. В его мире в замерзшую ладонь ложится простая фляжка, обтянутая тисненой кожей. Пиджака у него нет, а рукава рваной рубашки закатаны по локоть. Он привык. Он наслаждается соленой промозглостью, тишиной и...

– Попей.

Ею. Их зыбким, неуверенным, ничего не обещающим «вместе». Хоть немного?

– Я вообще-то пью только шампанское...

– Шам... А это что такое?

– Ну, такой золотистый алкоголь, ты его наливаешь – а вверх со дна бегут пузырьки и шипят, и, если эти пузырьки проглотить, станет очень весело, и...

Он хмурит рыжие брови – густые, но аккуратные: концепт-художница Катя постаралась. Красивые брови – ее фетиш, второй после красивых задниц. Он накрывает унизированной тяжелыми кольцами рукой Алисину руку, подносит... к губам? Нет, к уху, взбалтывает флягу, сосредоточенно слушает плеск и вдруг печалится. Будто извиняется, сообщая:

– Тут ничего не шипит. И пузырьков нет. Но ты выпей. Будет весело и тепло.

И она пьет, потому что широкая горячая рука все еще поверх ее руки. Она делает глоток, другой, задыхается от крепкой горечи: это же как ром, который команда хлещет на корпоративах. Нет, это как самогонка на васильках, которую ловко гнал дедушка в деревне. Она кашляет, но глотает еще чуть-чуть, и ее сочувственно хлопают по спине.

– Алиса, ой, извини. Я думал, ты пьешь как дерешься, то есть как мои парни.

– Ничего. Я привыкну. Знаешь... мне у вас нравится. Больше, чем дома.

Пальцы – чуткие, бережные – касаются вдруг ее спины. Под грубой мужской рубашкой даже не с чужого плеча, а с трупа – пропитавшаяся кровью повязка.

– Тебя же сегодня чуть не убили Красные пираты. Слишком сильное впечатление для первого дня.

– И завтра, может быть, попытаются. – Она сама удивляется, как философски это сообщает. Правда ведь попытаются, такая в сценарии прописана боевка.

– И тебе не страшно? Ты же...

– Девушка?

Он смущенно молчит, а она не собирается морочить ему голову лозунгами из любимых пабликов. Ему не нужно объяснять, что девушки бывают смелые, девушки бывают сильные, девушки бьют морды, если приходится... Не нужно говорить, он все это уже видел, а развевающийся на флаге девиз *Fight like a girl* Алисины коллеги сами, посмеиваясь и пофыркивая от предвкушения, приписали одной из эпизодических, доступных только в двух сюжетных разветвлениях пиратских команд – поголовно женской. И она просто качает головой.

– Нет. Мне не страшно.

Она бы рассказала, что страшнее там, где стекло и бетон, шум и толпы. Где чумы нет несколько веков, а вместо нее пришли другие болезни, о которых любят сочинять посты и песни: потребление и интернетофрения, мания запрыгивать в какие попало социальные лифты и анемия души, информационное ожирение, творческое выгорание и ожоги доверия. Зараза выкашивает так незаметно, что трупы не сбросишь в яму, не сожжешь, не замуруешь в стене, а будешь этим трупам улыбаться, целовать при встрече в щечку, ставить лайки под фото и ходить с ними вечерами пить винишко. Она

бы рассказала. Но он не поймет. Для него самое страшное – кинжал в спину, и инквизиторский костер на площади, и гноящиеся нарывы на коже. Она зовет его счастливым. Он не понимает. Не понимает: счастье любой войны в том, что ее можно прекратить, а кошмар любого мира – в том, что в какой-то момент ты перестаешь замечать, как он разлагается от собственной сытости.

– А-ли-са... – Он приобнимает ее за плечи. Гreet. – Алиса... Не сердишься?

– Не сержусь. И мы с тобой победим Орден.

– А потом?..

Дело в алкоголе. Опьянели, потому и разговор пошел по кругу. И, подчиняясь правилам, она повторяет:

– Потом у всех нас снова будет дом и никого не будут жечь на кострах...

Замолчав, чувствует, как рука на плечах дрожит, как по всей сильной, красивой мышце – судорога, будто там пропустили ток. Он размыкает объятье. Отстраняется. Вздыхает.

– Но это ведь не твой дом, девочка с неба. Не твой. Алиса... тебе нужно будет вернуться в свой мир. Я обязательно помогу тебе. Ты не должна тут мучиться.

Хочется выпить, еще, еще. Истина, как кто-то сказал, все-го-то в вине, сколько же ее в этом напитке! И она берет флягу, делает глоток, другой. Слезятся глаза – от крепости ли, от обиды, от решимости? Вдох. Выдох.

– Я думала, ты понял. Я не хочу возвращаться домой. Ина-

че вряд ли вообще я оказалась бы здесь.

Он умный. Управляет кораблем и ориентируется по звездам. Придумывает такие атаки. Крадет сокровища. Живым уходит от докторов-инквизиторов с их безжалостными ядовитыми клинками в тростях и знает столько пиратских секретов. Почему же он глядит сейчас как испуганный мальчик, перед которым вместо принцессы предстал зверь в железной маске? Ах да. *Скрепы*... Которые у каждого, в каждом мире, свои.

– Нет, я не понимаю, сколько бы ни думал над твоими словами. Как это домой – и не хочется? Ты родилась там, в Мо... Мо-сква. Прожила жизнь. Там твои люди: твоя семья, твоя... команда? Ты говорила, что вы – вместе. «Брат с братом, брат за брата, брат ради брата» – у нас это так зовется... – Произнеся зашитый в его программе игровой слоган, он спохватывается: – Ну и если поставишь сестру, суть не изменится.

И этого не понимает: «команда» – не то. Не сокровища, не моря, не приключения и не клятвы на крови. Не братство-сестринство. С командой в Москве не берут золотые галеоны, не спасают дочь дожа от крылатых львов и не распиивают ром под незнакомыми звездами. С ней укладываются в дедлайны, получают корпоративные бонусы и ходят на обеды, блюдя три святые заповеди: стрессоустойчивость, инициативность, коммуникабельность. Команда. Team, lead которой, Сеня, еще любит подойти в пятницу вечером, взять за плечо мушиной лапкой со съезжающими на тощую кисть

Эпшлвотч и...

«Эй, крыска Алиска! Правки! Надо бы к утру понедельника. Ага?»

– Ты, наверное, просто не научилась пока ценить тех, кто рядом. Это бывает. Когда я был юнгой, на корабле я ненавидел почти всех. Капитану вообще хотел отпилить голову. А когда другие отпилили, места себе не находил, будто правда брата потерял.

Ее душит смех, нервный, невеселый. Она никому никогда не хотела отпилить голову; максимум – себе, чтобы вынуть мозги и аккуратно, медленно промыть, например марганцовкой. От федеральных каналов, у которых стабильно все слишком хорошо, и оппозиционной прессы, у которой стабильно все слишком плохо. От инстаграма, битком забитого чужими собаками, коктейлями и детьми; мечтами и целями; амбициями, фотосетами в камышах и опытами психотерапии. От кавайных сисяндр, кислотных кошечек и маскулинных ведьмаков, которых схавают скорее, чем глубокие исторические квесты о тайнах Пилата, Жанны или Прокаженного. Вот тебе и творчество, Алиса. Творение миров, дивных и новых. Интересно... кто-нибудь, кроме Бога, вообще может позволить себе творить миры без оглядки на бюджет, целевую аудиторию и тренды? Знал бы, знал бы *он*, такой красивый, мудрый и рыжий, сколько крови и пота стоил создателям, сколько «Никому не пойдет, зауми много» прозвучало на брейн-стормингах.

– Ты прав, – все, что удастся выдать. – Бывает. Может, так и есть.

Бывает. Зато она постепенно научилась ценить себя. Вот только ему не объяснишь, и она говорит другое, чуть проще, чуть безболезненнее. Без златоглазых гробозажек с утопленными котятками, без «крысок» и рабочих суббот, без обедов, на которых каждый в своем бизнес-ланче и соцсетях, и в этом команда едина как ни в чем другом. Если мимо действительно проплывет золотой галеон, они сфотографируют его разом и разом же кинут в сториз. Возможно, даже выберут один фильтр.

Ему не надо об этом знать, а ей – не надо помнить.

– Мне, знаешь, ничего там не дорого, меня ничего там не держит. Такое тоже бывает. Ты можешь не понимать, но только не гони меня, ведь...

...Ведь мне дорог ты. И держишь меня сейчас – только ты. Живой – держишь. Держал, еще когда перед спонсорами идею защищала, потрясая папкой чужих концептов, и когда консоль запускала, и когда на коды смотрела, и когда слезы глотала, бормоча: «Господи, Боженька, ты садист, хватит, хватит. Дай мне не-глянец, дай или убей меня уже молнией. Как мне тошно быть той, кем меня видят, как...» А Боженька не убил. Послал всего-то странную красную молнию в системник, зато щедро, от души. Красную молнию вместо белого кролика, и вот она – нора. Падение. *Он*, море и небо, полное звезд. «Живи, дурочка». Боженька, спасибо. Сошла с

ума, умерла, в коме – за все спасибо. Даже если не воля Твоя, а побочка от бессонницы, стимуляторов и энергетиков.

– Ведь я хочу помочь тебе. – Под невозможно синим взглядом она решает сдаться и потому добавляет: – А потом... посмотрим. Я подумую.

– Обещаешь?

– Обещаю. На расстоянии все виднее.

Выпила достаточно. Охмелела и осмелела. Чтобы вплотную, чтобы пальцы в рыжие волосы, чтобы губы – к губам этим жестким, соленым. И чтобы в руках теплых не растаять, а раствориться морской пеной, как в совсем другой сказке, страшнее... Ерунда. Их сказка пойдет иначе. Алиса не сглотит, Алиса не сдастся. У Алисы же нет ведьмы, которой она пообещала бы голос за ноги. У Алисы – только madness, и все при ней. Дома ей не зря завидовали: «Креативная, продуктивная, работа у тебя крутая и зарплата!..» А теперь она наконец-то сможет завидовать себе сама: «Ты такая... счастливая».

– Тише... тише. Я очень хочу побыть с тобой.

Она верит. Ведь в его мире небо такое огромное, что тонет в море. Под этим небом хватит места всем, кто отказался от собственного.

1. Красные губы

Когда в тысяча тысяча девятьсот лохматом я закончил Полиграф⁴ – с трудом, кстати, потому что тогда, даже чтобы просто туда поступить, желателен был опыт, хоть годик, хоть в самой захудалой газетке, – мне здорово повезло. Курсе на третьем меня милостиво взяли младшим редактором, а потом все повышали, повышали. Не потому, что я был талантливый молодой кадр, а потому, что издательство было пожилое, и после моего выпуска коллеги один за одним начали уходить в счастливое пенсионное плавание к внукам, дачам и прочим радостям, на нашей работе малодоступным. Мы ведь все время горим. Каста факельщиков в мировом масштабе.

Став старше, увидев, что и следующее поколение специалистов подрастает, сердито фыркает, топает по пяткам, я серьезно задумался: а что вообще для издательства хорошо, больше «старой» крови или «молодой»? В молодости не сомневался: «молодой», они же тут закостенели, выпускают невесть что и невесть как, обложки эти жуткие, сюжеты нафталиновые. Может, когда состарюсь окончательно, я начну думать, что все наоборот: больше «старой» крови – больше стабильности, меньше вывертов и взрывов.

---

⁴ Московский полиграфический институт.

Сейчас мне без году полвека, и я думаю, что и той, и другой крови нужно вровень. Молодые специалисты, правда, смотрят на мир шире, лучше слышат его пульс, понимают, когда он вдруг учащается. Но что бы там они себе ни воображали, ловить других над пропастью во ржи способны только те, кто сам уже в эту пропасть падал и ломал пару костей, а потом вылезал и сращивал их.

В свое нынешнее гнездовище я перешел в горячке девяностых, в эпоху наколеночных Кинга и Саймака, вольных пересказов «Рэмбо» и нетленок о джедаях. Издавали все, до чего могли дотянуться, на чем попало и в кроличьих темпах. Ранняя команда наша состояла из вчерашней поварихи, беглого участкового, двух авантюрно настроенных агрономов, недоучившегося врача и меня – единственного книжника с опытом на загровке советского мастодонта. Но соображали мы быстро. Наши первые томики были не самыми корявыми, и костяк русских авторов мы начали сколачивать рано, ловя за хвосты голодных и наглых, экспериментаторов, которым в прежней литературе места не было. Они умели «под Запад», но по-своему, умели «про жизу», но с огоньком. А сколько же, как оказалось, умеет интересно рассказать и о том, как вырастить кур, и о том, как написать пьесу, – на целую нехудожественную редакцию хватило. Может, поэтому мы удержались на плаву, когда народ наелся беллетристики, а гайки авторских прав закрутили мощнее. Мы продолжили работать, в то

время как многие ушли в сферы попроще. Может, нам в чем-то помог наш «тотем», чье око глядит с книжных корешков. Паноптес – Всевидящий. Великан с миллионами глаз, о котором одни говорят, будто он звездное небо над океаном, а другие – что он просто замученный трудоголик Олимпа, страж, который никогда не спит. Второе тянет на правду: работа с книгами не имеет ничего общего не то что с восьмичасовым – с шестичасовым сном.

Что такое сам издательский бизнес? Я перебрал в голове множество аналогий, но наконец остановился на одной. Это вроде большого аквариума, куда напустили много разных рыб, которые и в естественных-то условиях не уживаются, что говорить о маленьком стеклянном прямоугольнике? Кого вы здесь только не найдете. Вот яркохвостые гуппи и неонки – вроде маленькие издательства, а сразу запоминаются именами авторов и необыкновенными обложками. Вот здоровенные акулы, глотающие все, что плывет навстречу, а иногда и то, что лихорадочно улепетывает, – холдинги, гиганты. Вот раки-отшельники в почти не видных под наростами извести раковинах. Когда-то они издавали великолепные и востребованные книги, а теперь ушли в советские панцири, не могут понять новую бешеную жизнь, и никакая молодежь до них не докричится. А вот морские звезды, про которых не сразу догадаешься – оно вообще живое? Шевелится? Издает что-нибудь? Шпионит? Или секту тихо сколачивает?

В аквариуме хорошо: есть место, воздух, даже подачи корма в виде частных и государственных инвестиций. Кто сдохнет, того выловят налоговики или съедят акулы. И все же мне всегда казалось, что-то тут не так. Наверно, стены. В океане просторнее, он не ограничен комнатой, где поставили твою стекляшку, – не потому ли о нем так мечтал исполосованный шрамами Жабр, герой довольно мудрого западного мультфильма, как раз таки о рыбах? Но как уж есть. Если смотреть глобально, весь мир – просто огромная комната с десятками аквариумов, а тебе нужно только выбрать свой.

Что делать, чтобы твой аквариум стал если не пошире, то хоть по ощущениям посвободнее? Разве что попробовать больше говорить с бескрайним миром вокруг. У редактора не много способов это сделать: обычно нам... нечего сказать. Мы не великие таланты, не именитые люди, мы заурядны и вечно заняты. Как ни патетично звучит, лица и голоса почти любого издательства, кроме совсем эпатажных, – именно авторы. Своими авторами, всеми и каждым, я дорожу – и сейчас понял это как никогда. Конечно, я и раньше это знал, просто никого из них еще не хоронил. Казалось, они так же бессмертны, как их тексты. Или хотя бы проживут так же долго, как наши крепкие, на совесть, переплеты 7БЦ.

Варя была особенной. Особенной, не стану врать, прежде всего для меня, для редакции – рядовой среди лучших или лучшей среди рядовых. Скромные тиражи

от трех до шести тысяч, на двадцатку и твердую пометку «бестселлер» вышли лишь три книги. Периодические, но не регулярные допы. Пара среднemasштабных премий, пара крупных, одна-единственная экранизация и полное нежелание «быть в моде». И тексты, которые похожи то на выдержанное вино, то на разрывные пули, то на горный воздух, то на священный град Ершалаим. Может, потому я и захотел вот так сразу – о ней, а потом, если получится, и о других. Я сохрaню ее хотя бы здесь.

Я не пошел и не пойду ни на какие ее поминки.

Я не буду ее поминать. Я буду ее помнить.

Имя у нее было чудесное – Варвара, и фамилия ничего – Перова. Вместе все даже неплохо звучало, хотя мы и придумали в итоге ей псевдоним. В моду тогда входила разная иностранщина: в моей редакции уже были Маша Зимина, выпускавшаяся как Мэри Винтер, Прасковья Ломова, превратившаяся в Пенни Пэйн (триллеры у нее получались вправду rain, злые и пробирающие), и даже Данила Данькин, чей псевдоним я до сих пор не могу выговорить, но косит он под японца и пишет самурайское фэнтези. Варя иностранкой становиться не хотела, а вот загадку жаждала. Потому и стала Ваниллой Калиостро. Вроде и таинственно, вроде и звучно, а вроде и отсылка. К тому самому графу, точной биографии которого никто до сих пор не знает, но о котором чего только не болтают: и бессмертным был, и духов заклинал, и золото делал из чего попало. Варя бессмертной не оказалась. Вместо духов у нее были персонажи. А вот золото... да.

К нам она попала просто с улицы. Я бы и не открыл первого письма с ее текстом, если бы не пролил в тот день сладкий кофе на клавиатуру и не получил свободных минут на бездельничанье: пока новую принесут из запасников и подключат. Вот я, располагая одним только Мышом, и решил порыться в почте. Там мы с Мышом – он у меня допотопный, шариковый еще, но родной – и нашли Варю.

В письме она только представилась и сказала, в каком жанре ее история. Хороший жанр, молодежный триллер. Я зачитался. Клавиатуру мне так и не принесли, потому вместо внятного e-мейла девочка могла бы получить от меня только эмоциональное мычание по телефону: неважно я веду переговоры, на письме все дается легче. Поэтому я подождал. И когда на следующий день я писал ей, то думал: елки-палки, e-мейлу два месяца, наверняка кто-то уже купил права. Не купили. Может, это была судьба. Чтобы мы встретились, чтобы она стала знаменитой и любимой, чтобы я забыл, как без нее дышать. Чтобы я увидел, как она, мертвая, лежит на асфальте. И чтобы начал все это записывать, вот как сейчас: какие-то бессмысленные мемуары, мемуары книжного червя с римским профилем. Не психотерапия, скорее бегство.

Это, оказывается, правда: когда теряешь кого-то важного, в тебе самом неумолимо запускается обратный отсчет.

Десять.

Девять...

Однажды, когда мы с Варей после выхода очередной ее книги увлеклись коньяком, она рассказала, что в детстве была дурочкой – настолько, что просила родителей, если она вдруг (мало ли!) умрет, положить ей в гроб маленький телевизор. Такие тогда продавались – размером, ну, с половину обувной коробки, с длиннющей телескопической антенной, похожей на тараканьи усы. Это чтобы она могла досмотреть какие-то любимые мультики про австралийских зверей-спасателей. Варя тогда зачитывалась книгами про древние цивилизации, и ей верилось, что в усыпальницы фараонам не просто так кладут утварь. Что она действительно может им пригодиться. И что на том свете у людей есть время смотреть телевизор.

Я от души смеялся. Я спросил Варю, а что бы она хотела видеть в своем гробу теперь. Она как-то потупилась, смутилась и пробормотала: «Не пугайся, но... только если тебя, наверное». Я не испугался. Мы были вместе уже полгода – как «мы», как «вдвоем». А как редактор и автор – третий год.

Варь, тебе ничего не положили в гроб, видишь? И на могиле ничего особенного не оставили, пока даже памятник нормальный нельзя, только деревянный крест. Так что твои фанаты, которые из издательского инстаграма узнали, что с тобой стряслось, просто натащили цветов, много-много цветов. Они все правильно сделали, как я и написал: с корнями принесли, в горшках, чтобы у тебя был сад. Хорошо, что уже тепло. Я же помню, ты не любила получать букеты, с меня

всегда требовала орехи и ром вместо роз. И теперь, наверное, будешь рада, что цветы приживутся, хоть что-то. Хоть...

– Павел Викторович!

Ко мне идет он. «Дима». Следователь с офицерскими глазами, а с ним – внезапный как опечатка в заголовке Джуд. Высокий белобрысый Джуд, он же Женя, еще один мой автор, с Варей дружил. Знакомы, что ли? Нет, вряд ли. Судя по тому, как пытливо Джуд косится, только-только встретились. Языками, видимо, зацепились, с Джуда станется: он заговаривает с каждым, кем заинтересуется, не боясь ни по морде получить, ни до инфаркта незнакомого человека довести. Как бы ему не приглянулся такой следователь типажа «подойдешь – убью»?

– Всё. – Джуд поводит головой вправо, влево. Фанаты расходятся от могилы. Ни одного фото. Удивительно, ни одного не сделали, я точно видел. Слишком переживают, чтобы писать инстаграмные посты. – Давайте тоже куда-нибудь пойдём? Холодно...

– Иди. А я побуду еще. Потом домой поеду.

– А может, нужно ее... – Джуд щелкает себя по голому бледному горлу, торчащему из-под зеленого шарфа. «Дима» осуждающе молчит, руки за спиной.

– Нет, Жень, *мне* не нужно. Извини. И ты тоже лучше бы, знаешь, работал над книгой. Тебе ее сдавать на неделе, план на «Красную площадь», Данка по самое не балуй вставит, если заперешь сроки.

– Ну-у! – Разумеется, он дуется. – Я ж в авторской редакции, чего меня там...

– Зато за тобой, Данка говорит, корректуры, как за поросенком. А внимательные корректоры, сам знаешь, – это галапагосские черепахи: неспешны и вымирают.

Не люблю поминки. Всегда было тяжело, тяжелее, чем сами похороны. Может, дело в том, что впервые я на таком мероприятии побывал в непростом возрасте, лет в двенадцать, и просто не понимал, почему должен есть «за упокой» попавшей под машину бабушки, если мне не лезет в горло кусок, если я бы лучше забился в угол на кровати и полежал в тишине, повспоминал, как она курила «Яву», пекла «Невский» и читала мне о капитане Немо. Но нет. Был этот свет слепящий, и прогорклые какие-то салаты, и ворот рубашки шею натирал, и пили «не чокаясь», а потом я блевал. Разумеется, я блевал. Мне вся эта еда казалась по вкусу неуловимо неправильной – и сейчас кажется. Боюсь, даже в «Золотой вобле», любимой пивнушке Джуда, куда он наверняка и рвется, меня не порадует ничего и я персонал не порадую.

Джуд не настаивает – проявляет свою хваленую эмпатию, не купил же мозгоковырательный диплом и ученую степень. Понимает: я не дедлайнами его пугаю, а скорее собой. Легко, но весомо касается плеча, на мгновение сжимает, бросает только:

– Ну ладно. Пошел тогда. А к тебе вот господина полиция привел. Поболтайте. Варь... ты тоже бывай.

Кивнув черной рыхлой земле, витиевато махнув мне и «Диме», он удаляется – только шарф по ветру вьется. Чудовищный человек-чудак, но у меня даже получается улыбаться вслед. Завидно. Джуду проще. У него столько в голове странной веры в странные вещи, что Варька для него вряд ли умерла, разве что ушла в один из своих выдуманных миров, тот, о котором часто рассказывала, а вот романов так и не написала. Там обитают все книжные герои. Холмс с Порфирием Петровичем и Нэнси Дрю – вот именно в такой компании – любят пить тайский бирюзовый чай и играть в «Подземелья и драконы». Варя уверена, вплоть до того, что Порфирий всегда за мастера. Откуда знает?..

Мы остаемся вдвоем на ветру. Почти все Варины поклонники вроде разошлись.

– Как вас... – на этот раз я опускаю глагол, а следователь понимает.

– Дмитрий Алексеевич Шухарин. Но мне и Дмитрия хватит, сейчас – точно.

Он улыбается уголком бледного рта, ладони потирает. Руки у него в земле, даже под ногтями черные скорбные полумесяцы. Неужели тоже принес какое-нибудь растение и посадил? Кажется, вон та рыжая календула – его...

– Я вообще-то здесь не по делу, скорее по читательскому долгу. – Он будто мысли читает. – Впрочем, догадывался, что встречу вас. Вы мне покоя не давали все эти дни.

– Seriously?..

Не отвечает, сосредоточенно глядит вперед. У дальней могилы – девушка, красивая: волосы платиновые, губы красные, серое пальтишко так сшито, что не спрятать фигуру – песочные часы. Тоже грязные руки, черные-черные. Наверняка из фанаток. У Вари было много интересных, необычных фанаток: и таких вот нежных «дев гламура», и наоборот, броских неформалок. И здоровенные мужики затесывались, что байкеры, что силовики. И печальные тетки за сорок. И детишки-вундеркинды, которым, казалось бы, читать в этом возрасте даже не «Поттера», а каких-нибудь «Котов-воителей». Разглядывая собирающийся на ее автограф-сессиях контингент, мы с пиарщиками изобрели тупейшую шутку о том, что Варенька у нас connecting people.

Какие губы у этой девчонки все-таки красные... вульгарная помада.

– Отношения? – вдруг бросает Дмитрий. Своеобразно он все-таки задает вопросы, ну точно начитался Чехова и не понял. Но я трактую назывное предложение без труда.

– Да. Отношения.

– Давно?

– Два года.

– Почему не женились? Я уже навел справки и знаю, что вы холосты.

– Она не хотела за меня выходить.

– Почему?

Она Варя. Что еще сказать? Не говорю поначалу ничего,

просто показываю Дмитрию то, что таскаю в кармане пальто с того самого дня, когда бензин, нимб и менты. Коробку бархатную. В кольце никаких бриллиантов, Варя не любит. «Единственное кольцо, которое вообще буду носить, – с изумрудом. Изумруд – камень чародеев».

– Вот, хотел в который раз попытаться. Но она... не совсем по этой части.

– Не понимаю. ЛГБТ-персона, что ли, или как это зовут? – Ровно, мирно. Не из «фобов», ясно. – Почему тогда она с вами...

– Да нет, что вы. Просто не по части «с кем-то жить».

– Хм. Свободолюбивая? Да, она такой казалась...

Девчонка с красными губами все пасется у могил. Она вряд ли может нас слышать, но поглядывает заинтересованно. Наверняка ее Дмитрий привлек. Вид у него в черной куртке, с черным шарфом такой байронический. Чайльд-Гарольд, да еще не в изгнании, а в звании.

– На теле признаки борьбы, – говорит он уже другим тоном, тише. – В квартире посторонние грязные следы, маленькие, женские. Обувь не убитой. Кто-то к ней действительно заходил. Хватал за запястья, она этого кого-то ударила, кулак стесан...

Молчу. Девчонка переминается с ноги на ногу уже поближе к выходу. Волосы так и летят на весеннем ветру тревожным платиновым дождем.

– Консьержка девушку описала. Составили фоторобот.

Работаем.

– Спасибо, что держите в курсе.

– А что вы думаете? – Он наклоняется, стряхивая с ботинка ком земли. – Что можете сказать? Были у нее, например, враги? Может, с кем-то делила квартиру, может, права на романы, может...

– Если диванных критиков с плохими отзывами не считать, если не считать других авторов, продававшихся хуже и слегка ей завидовавших, то, скорее всего, у Вари не было врагов. Да и то, что я назвал, не вражда. Соседство – оно все такое, дача или литературный процесс – неважно.

У нее и друзей-то практически не было. Она ладила со мной, с моими коллегами, с Джудом и еще с парой авторов нон-фикшен редакции. Читателей она, например, близко не подпускала, даже не добавляла в соцсетях. Я не слышал, чтобы она жаловалась, будто фанаты караулят ее в подъезде в надежде выпытать, когда следующая книга или почему она убила-покалечила очередного героя. К популярным критикам и интеллектуальной элите Варя тоже не рвалась. Она вообще не любила навязчивость: знала, что море не отталкивает от себя ни одну реку, но сторонилась и заболоченных брехливых потоков, и тоненьких восторженных ручейков. Ее реки считались по пальцам.

Все это я озвучиваю, наверное, слишком горячо и горько: Дмитрий, выслушав, хмурится, кивает, будто не удивлен.

– Ладно. Ясно... Возможно, вас еще вызовут или, по край-

ней мере, к вам подъедут. Оставьте мне, пожалуйста, свой мобильный, я передам оперативнику.

– А загуглить? – припоминаю зацепившее меня впервые словцо.

– Такое без бюрократических процедур не гуглится. – Он уже достал телефон, открывает контакты. – Павел, об органах по сериалам судить – себя не уважать, у нас нет ни общемировой базы ДНК, ни консультантов-гениев, ни доступа ко всем номерам. Лучше бы уж изучили нас по... Перовой. Я вот читать начал про цыгана и того своего коллегу. Верибельно.

– Вы в тот раз говорили, что не хотите читать про рутину.

– Не хочу. Но больше она ведь ничего не напишет.

Ничего. Не напишет. Девушка с красной помадой колупает краску на могильной оградке и вроде бы говорит по мобильному. Я быстро называю свой номер.

– Павел.

– Да?

– Скажите... – Он задумчиво разглядывает гаснущий дисплей. – А правда, что с ее книгами случались странности? Вроде того, что события сбывались? Революции, катастрофы... Это все не для хайпа говорилось? И люди так же умирали?

Да. Один раз, например, целый класс, травивший отличницу, – она почти единственная и выжила. Как только не убивали тех ребят, а начиналось все с дискотеки перед Хэл-

лоуином, где кого-то повесили, обмотав собственными кишками. Варя написала схожую книгу в шестнадцать: поначалу вымещала обиду на собственных одноклассников, с которыми тоже не ладила, но потом увлеклась и превратила чернушный рассказик в роман-триллер с совершенно другими героями. Получился чудовищный в хорошем смысле микс «Чучела», «Королевства кривых зеркал», «Ночной смены» и «Повелителя мух». Сплелись две линии: конфликт умной девочки Оли со скотским классом и сюрреалистичное путешествие неизвестного по аду, похожему на босховский. Поначалу было вообще непонятно, как одно связано с другим, – а потом на голову читателя обрушивался раскольниковский топор правды. Параллелей с громким делом «Двадцати негрятят» – так реальные убийства в школе на юге Москвы окрестила пресса – никто, разумеется, не провел, его не раскрыли. У Варьки виновным оказался учитель математики с нелепым именем Акакий Горностаев, сумасшедшая вторая личность которого – Охотник – считала школу тем самым адом, а учеников старше шестнадцати – подлежащими истреблению демонами. Пожилая тетка, преподававшая математику в реальной школе, была чиста и адекватна... но все равно, когда мы прочли об этом в газете, у половины редакции волосы встали дыбом, больно похожи были некоторые смерти. Варя пересечение тоже не понравилось, она в тот же день пошла в церковь, а потом месяц не бралась за новые книги.

– Да, случилось, – признаюсь равнодушно. – В итоге мы даже попросили ее не использовать реальные бренды, названия магазинов, имена и все такое. Знаете, Дмитрий, забавно: обычно это запрещают, чтобы не получился product placement – неумышленная реклама, за которую издательству не заплатили. А я вот вам хотел работу облегчить. Полиции то есть. Не то чтобы суеверен, но как бы чего не вышло...

Он неожиданно улыбается. Тоже не суеверен? Или нервы такие же стальные, как глаза?

– Ценю вашу сознательность. Что-нибудь еще скажете?

Вряд ли. Разве что...

– Дмитрий, у нее, кстати, вот буквально недавно книга вышла. Новая.

Последняя, Варь. Ты же так и не дописала ту, на которую договор остался в портфеле, да?

– Неужели? Я не успел купить. Не до того...

– Если приедете разговаривать со мной или с сотрудниками, я вам дам авторский экземпляр. Варя их уже не заберет.

Варя уже ничего не заберет. Я, конечно же, этого не произношу, но он, похоже, читает по лицу и делает правильно: вместо соболезнований развивает тему.

– Я в последнее время потерялся в работе. Раньше по возможности следил за тем, что она рассказывает о готовящихся книгах. В общем, не знаю... про что хоть новая?

– Про девушку, разрабатывавшую компьютерную игру, а

потом попавшую в ее мир. Мир пиратский, интересный. Ну то есть как пиратский... средневековая Венецианская лагуна, сама Венеция: чума, Инквизиция, интриги соседей, карнавалы, злой орден Чумных Докторов. Там действуют четыре разбойничьи банды, взявшие себе символы четырех карточных мастей. Вот в их-то разборки девушка и попадает. У нее там еще случается любовь с местным вожаком, но любовь особого значения не имеет.

– Не имеет? Это в попаданческом-то романе? – не без опаски уточняет. Ожидаемо побаивается мыльных опер, свойственных этому поджанру.

– Нет, конечно. Как и всегда. Для Вари любовь в книгах не главное.

В жизни тоже. Но на меня как-то находила и время, и угол в многограннике своего странного сердца. А неприязнь к книжной любви понимаю, слишком часто она какая-то... вывернутая, неживая. Передержанная в сахаре, как коктейльная вишня, или излишне расцветенная прожилками девиаций, как перележавший сыр с плесенью. Не удивляюсь, что Женя, например, вообще ее в своих историях избегает, у него все «просто дружат», даже если от дружбы этой летят искры размером с шаровые молнии.

– Что ж. Интересно звучит. Я бы почитал. – Дмитрий мрачнеет. – Правда, только когда найдем убийцу. Да и другие дела горят.

– Понимаю. У меня тоже сейчас много чего горит.

Сроки. Забавно, что слово одинаково актуально для нас обоих. Сроки-сроки-сроки, блюда или жди: поставят тебя раком и драть будут одинаково жестко, без разницы, где ошибся – не раскрыл поножовщину или из-за сто раз переделываемой обложки не успел с тиражом к ярмарке. Современная жизнь будто вылеплена из дедлайнов: в работе, в творчестве, в отношениях – «часики тикают» или как там издевательски говорит моя незамужняя к двадцати пяти племяшка. Сроки, за которыми ты бежишь, а они, в свою очередь, – от тебя, хохоча, как припадочные вакханки. А когда упадешь наземь с красной от гипертонии мордой или приступом гастрита, они на тебе еще джигу спляшут и на гробу твоём. И на гробах детей твоих будут плясать, потому что с годами мир только убыстряется, заглатывая пилюли социального одобрения и зачитываясь нон-фикшеном по эффективному тайм-менеджменту. Когда мир останавливался в последний раз, затаив дыхание? Наверное, по-настоящему только перед Хиросимой и Нагасаки, раз-два, когда пальцы чьи-то жирные, потные – к кнопке, которая еще черт знает, существует или нет.

Паш, не парься, мы не сгорим.

Варя всегда так. И тексты сдавала раньше нужного, чтобы никто не мучился. Я с ней тоже горел, но по-другому, не на работе. Никакой Хиросимы. Хиросима, моя персональная, случилась сейчас, и мой мир тоже замер. Хотя и продолжает гореть.

– Ладно, Павел, мне тоже надо идти. Лешку там на делах оставил...

Лешка – лохматый помощник с зелеными глазами. Точно. Лешка как раз не похож на читателя Вари, он, наверное, читает, если читает, чисто «мужскую» фантастику и соответствующие детективы. У таких тонколицых ангелков вечный страх показаться недостаточно крутыми, вот и тянутся руки к книгам, на обложках которых суровые герои сурово крошат суровых злодеев. Боевики, сто процентов, и все такое прочее. Наугад пробую:

– «Сталкер»?

– Что?.. – поднимается геометрическая черная бровь.

Это не Чехов перестарался, уже я хватил: больно сумбурный вышел перескок темы.

– Ваш помощник, наверное, читает постапокалиптическую серию «Сталкер»? Которая по компьютерной игре и немного по роману Стругацких «Пикник на обочине»?

Впечатлился. Кивает. Подозрительно так склоняет голову.

– Любимая, да. И еще книги по серии игр «Варкрафт», это такое боевое фэнтези с эльфами в доспехах, драконами какими-то, королями... Я открывал разок, но все это не литература, если честно. Никак, ни о чем. Вы, что ли, выпускаете?

Так осуждающе интересуется, будто мог бы за это и посадить.

– Нет, конкуренты в нише.

– Тогда повторюсь, – улыбается. – *Не книги*. Как вообще такой мусор можно кропать? Воспитывают в людях дурной вкус и безграмотность, отваживают от классики... Лешка вон сам «Пикник» так до сих пор и не прочитал, дурень, никак не заставлю.

Знаю, знаю таких, мечтающих об отдельном блоке статей в УК за преступления против литературы. Только обычно они постарше, профессией повычурнее, а тут... опрокинутые стереотипы в действии, даже не верится. Провинциальный ментенок пытается намекнуть мне, что Достоевский и Стругацкие бессмертны, а большинство других – твари дрожащие.

– Моя работа со временем научила меня верить, что все сложнее. – Слегка потираю заочеченные руки, вздыхаю. – Если книги нужны читателю, я не готов называть их мусором. Мне, наоборот, кажется правильным, что мы ушли от советской позиции «Лопайте что дают» не только в вопросе колбасы. Каждый имеет право найти свою книгу... пусть по каким-то критериям и плохую. И воспитать себя как сможет.

– Интересно. – В бутылку он не лезет, просто удивлен: похоже, не такого мнения ждал от настоящего живого редактора. – А по виду вы интеллигент старой формации. Хотя, наверное, у вас там продажи немало решают. Не поймите превратно, мне импонирует такой широкий взгляд, и я признаю, что он правильный. Просто пока он предельно не мой. Сжечь порой хочется весь этот треш.

Дмитрий... Дима, иначе не скажешь сейчас. Какая же, Дима, однобокая потребительская позиция: «Мне не нравится, значит, говно». Дима, написать бы тебе на лбу, чтобы запомнил: книга – это и оружие, и лекарство. Книга может уйму вещей: и спасет от скуки в электричке, и вдохновит на покорение Монблана, и поможет починить расшатанную жизнь, если найти параллели с расшатанными жизнями героев. А еще отвлечет. Заберет тебя из прокуренного кабинета к кому и чему захочешь, вне времен и пространств. Дмитрий, товарищ, мать твою, капитан, а ты не думал, сколько суицидов и бытовых ссор, перешедших в расчлененку, не случилось и не упало к тебе на стол только потому, что находящийся в пограничном состоянии человек нырнул в вовремя попавшую книгу и спрятался в ней от самого себя, натянутого как струна? Спрятался в тепле и свете или льде и катарсисе, а вернулся подуспокоившимся. Ты не думал, для тебя все это наивные выдумки, каждый же как-то набивает цену своему скорбному труду. Ты на земле и куда больше думаешь о том, сколько дел все-таки *было* заведено, – и это здорово. А я думаю. И коллеги, с которыми я не только чаевничаю, но и пойду в разведку, понадобится мы там кому-то. Мы любим «мусор» не меньше, чем «жемчуг», и видим в нем что-то большее, чем продажи, хотя ты прав, куда без них? Мы факельщики. И канатоходцы. Вечно балансируем, впихивая в нерезиновый портфель и легкие увеселительно-успокоительные, и то, что станет классикой и спасет мир. Драконов и гениев,

эльфов-убийц и святых блудниц, кривые зеркала и правдивые разговоры, щенячьи нежности и горькую полынь, проросшую сквозь песочные часы. Соль на раны. Сны. Стыд. Судьбы.

Вместо этого монолога Дмитрий выслушивает несколько сухих предложений о том, что по закону рынка потребитель есть у всего. «Спрос рождает предложение», маркетинг для чайников. Он слабо кивает: задумался, а может, просто махнул рукой. Ему к тридцати. Мне к пятидесяти. Между нами пропасть, она не станет меньше из-за того, что на дне лежит мертвая Варя с кровавым нимбом и мы оба ее видим. Скоро для этого следователя ее скроет гора других трупов – они, наверное, падают каждый день.

– А как вы все-таки догадались? – спрашивает он напоследок. – Про «Сталкера»?

– Чутье. Просто литературное чутье. – Дышится тяжело, будто я говорил много и долго; в горле саднит от цепких когтей холодного воздуха и горчит от желчи.

– Забавно. Что ж, до свидания.

Он уходит – ему еще ехать из нашей муравьиной Москвы в Варин тихий Шуйский. Скользит между могил черным силуэтом, вот поравнялся с девушкой с красными губами... Кажется, будто сквозь нее проходит, но нет – наверное, просто немного задел плечом. Я потираю глаза, опускаю взгляд на табличку со знакомым именем, тоже делаю шаг. Хватит тут стоять. Хватит. Жаль, не получится как у Джуда, но я

хотя бы пытаюсь...

– До встречи, Варь. Я тебя люблю.

Снова губы сухие и холодные, обветрены. Стекло.

– Зачем вы такое говорите? Она вас не слышит, она умерла.

Красная помада, платиновые волосы. Девушка прямо напротив, по другую сторону креста. Когда успела подойти? Глупый ребенок...

– Умерла, барышня. А вот слышит или нет, наука еще не выяснила. За подобные открытия, чтобы вы знали, вручают премию имени Гарри Гудини.

Барышня щурится. Бледная кожа немногим живее волос: ни румянца, ни румян. Глаза неопределенные какие-то, будто кожа хамелеона: прямо сейчас немного меняют цвет, уходят в синеву, потом – в медовую горчицу.

– Смешно, что паранормальная премия названа именем человека, который не верил в духов и развенчивал спиритизм. Вам не кажется?..

Эрудированная. Точно, из Вариных фанатов. Премия не так популярна, Гудини тоже не превратился еще в исторический мейнстрим, его биография не постится во всех претендующих на интеллектуальность группах вконтакте.

– Да, это довольно иронично, равно как и то, что человек, не верящий в духов, все же оставил своей жене тайный знак. Чтобы сразу узнала его призрак, если тот явится. Значит, надеждой человек все-таки жив, даже Гудини.

Жду, что спросит про знак. Или и это знает? Знает. Едва шевелит губами, напевая:

– *Rosie, sweet Rosabelle, I love her more than I can tell...*⁵

Та самая песня, песня Гарри и Бэсси, спетая на одном из первых совместных выступлений, навеки сохраненная. И снова барышня неприятно щурится.

– Не надейтесь. Она вам этого не споет. И не вернется.

– А вы откуда знаете?.. – даже теряюсь немного от злого юношеского напора.

– А я – ее смерть. Только с убийцей не путайте. Всего хорошего.

Исчезает. Нет, конечно же, быстро уходит, это просто я оцепенел. В голове – марево, в которое расползлись ее губы, и голос, и слова. Все красное, яркое, плещется перед непроизвольно сомкнувшимися веками. Еще немного – и упаду. А ведь возле меня на черной земле никаких следов остроносых женских сапожек.

«Я – ее смерть».

«Любовь не имеет значения».

«Были у нее, например, враги?»

Фоторобот. Надо было и мне взять у Дмитрия номер, позвонил бы, попросил прислать на почту. Что, если... Девчонка с бегаящими глазами... у этой не бегали, но...

Варя не пользовалась заштампованным приемом – что преступник «всегда возвращается на место преступления».

---

⁵ «Rosie, Sweet Rosabel» – песня авторства Пола Дреспера (1857–1906).

Ее преступникам, чтобы сделать нужные дела, хватало одного раза. Да и кладбище не место преступления. Кладбище даже не моя Хиросима. Кладбище – уже выжженная пустошь, где вместо тысячи бумажных журавликов Садако Сасаки – несколько тысяч темных могил.

...«Варя» и «смерть» – слова эти в моем сознании были рядом с нашей встречи. Варя относилась к неординарной породе людей, о которых говорят примерно так: «Из ряда вон. Талантливая умница, очарование, сердце золотое...» – и добавляют грустно: «Умерла молодой». Как Джоанна Английская, Мария Башкирцева, Мэрилин Монро, как множество прекрасных покойниц из прошлых веков. Жутковатое клише жизни: может, ты и не умрешь раньше срока, но всегда будешь восприниматься другими как некто, подле кого смерть нарезает круги, примеряясь, даже если на деле ничего она не нарезает.

Варе было все равно. Варя хотела жить, это легко понять по ее книгам: они не веселые, нет, но воли, той самой воли к жизни и любования ею там много. Варя вечно писала про тех, кто любит жизнь, крепко за нее держится, спасает ее, – и никогда про ворчащих на нее, мечтающих ее переkreить или тем более с ней расстаться. Даже с подростками она избегала хмари: Холден Колфилд ее типажом не был, а вот Коля Красоткин – вполне. Благодаря ей взбодрились и многие другие, даже я.

А смерть... нет, не нарезала она кругов. Ей было

чем заняться. У смерти тоже сроки. Тоже дедлайны. Смерти тоже надо все успевать, и уверен, она-то умеет правильно расставлять приоритеты без книг по тайм-менеджменту и необходимости жертвовать обедом. Что ей одна девочка, которая в детстве хотела, чтобы в гроб положили телевизор, потому что она боялась не узнать, что будет с ее любимыми героями. Которая потом сама писала о героях, от которых невозможно уйти.

«О-хо-хо, такие не живут, они делают жизнь всех остальных слишком славной, слишком ее облегчают, а жизнь – это борьба, вот и барахтайтесь!»

Так смерть решила, когда наконец разгребла сирийские, израильские, иракские и прочие завалы. И пришла.

И у смерти были красные-красные губы.

2. Мальчики

– Варвара, а расскажите-ка, когда в вас автор-то проснулся? Если, конечно, помните. Кажется, об этом вы еще не откровенничали.

– Сложный вопрос, потому и не откровенничала. Ignés Fatuí – болотные огоньки – по природе не одиночки, в трясину они заводят стаей. *(Смеется.)*

– Ну, может, у вас это с детства? Рассказывали маме сказки?

– О нет, это не ко мне. Из сказок я быстро выросла, несмотря на то даже, что мне читали неадаптированные, ну, те, где, например, кому-то из сестер Золушки пятку отрезают. Я вообще была не самым читающим ребенком, больше теледевичкой. Но знаете... кое-что меня, наверное, подстегнуло. Помните, «тяжелое детство, деревянные игрушки»? Так говорят про наше с вами поколение перестройки?

– Точно, не раз слышал! Игрушки детей 90-х еще и прибитые к полу!

(Смеются оба.)

– Ну вот, у меня и друзей из художки так было. Игрушек мало, одна другой страшнее, мне даже барби так и не подарили! (Я себе лет в семнадцать одну сама купила, просто чтобы как там... гештальт закрыть.) Компьютеры только появлялись, о них мы и не мечтали. Зато лет в шесть мы выдумали игру, где куклы,

машинки и вот это все было не нужно. Она долго с нами задержалась, та игра. Мы ее ото всех скрывали. Кстати, правильно, иначе было бы не миновать доктора. Сейчас вспоминаю... бр-р, какой-то сюр. Звали мы это еще так крипово, игрой в себя вроде. Да, точно. Даша, моя лучшая подруга, выдумала.

– Действительно, название как для психологического триллера или чего-то опасного. Точно можем в журнале-то напечатать? Нас и несовершеннолетние читают.(Смеется.)

– Нет-нет, ничего такого, наша игра не была в родстве с собачим кайфом и всякими гадостями! Мы... ну, мы вроде как придумывали себе новые личины и мир, в котором живем. Семью, друзей, врагов, а иногда и детей. Всегда разное. Даша вот что-то русалочье любила, наш общий друг Тим – инопланетное. К некоторым мирам мы привязывались, жили в них месяцами, держали близ себя воображаемых героев, понарошку любили, убивали... но обычно Фигаро тут, Фигаро там. По ощущениям вспоминается, что было классно, хотя, если спросите подробности, ну, например, ставили ли мы домики из стульев и бились ли на швабрах, я вам не скажу. Я... помню игру настоящей. Помню, как пахли ландыши в одном из моих замков, помню, как делала поздний аборт, и помню, как целовался мой первый парень – я придумала его лет в семь, воображая, что нам по двадцать пять и он священник. Представляете? Жутковатое такое раннее развитие, правда? Тема для сексологической

диссертации. Или эскапизм. Знаете, мне он нужен был, я же родителей как раз потеряла... нет-нет, об этом не надо, ладно? Потеряла, и все.

– Очень... необычно и обычно одновременно. Ведь все дети что-то выдумывают.

– Но не все живут в том, что выдумали. А знаете, что самое странное? Скрывать получалось легко. К нам в комнату не входили взрослые. Никогда не входили и не заставляли нас за игрой. Они могли появиться секунд через десять, а то и через минуту после того, как мы, ну... возвращались из этих трипов, и едва ли о чем-то догадывались. С чем бы сравнить-то? А вот! Читали Мариам Петросян? Мы были вроде ходоков.

– Ого! Да, читал, помню. И как закончилась эта мистическая история?

– Да как все. Мы подросли, общаться стали меньше, потом Тим уехал в Москву, потом и Даша. Я ушла в реальность, но, как оказалось позже, дорогу не забыла. Возможно, миры позвали меня, чтобы... говорить? Воплощаться? Правда, самой меня как героини там больше нет. И я никем не управляю, все, кто там обитает, живые.

– Живые... Вот не укладывается в голове, хотя мне известно, что вы всегда так говорите в интервью. Творческий процесс – это же про воображение, нет?

– Наверное, лично мой творческий процесс – все-таки не столько воображение, сколько погружение. Он немного в родстве с медитацией, немного – с

осознанными сновидениями и даже со спиритизмом. К этому можно относиться как угодно, но я не могу ЧЕСТНО сказать, что придумала хоть каких-то героев и сюжеты. Придумываю я по работе: когда логотип просят ну или, там, дизайн визитки. А сюжеты я... нахожу. Подслушиваю, расшифровываю, что угодно. Мои герои мне... незнакомцы. Иногда неприятные. Непонятные. Умнее меня. Они живут жизни, которые я прожила бы иначе, делают вещи, которые я могу осуждать, и умирают – а я их не могу спасти. Я люблю их именно за то, что мы разные и не зависим друг от друга. Это к другому вашему вопросу, «Пишете ли вы о себе?..» Так вот. Нет. Не пишу...

* * *

– Дим, ну вот и чего мне даст эта твоя «психология потерпевшего»? Лучше б психологию убийцы...

– Убийцы пока нет, как видишь. Что есть, с тем и знакомься.

Лешка сопит и опять утыкается в гляцевый журнал, который невесть как отыскался у коллег-девушек. Интервью Ваниллы... Вари, она ведь и не скрывала, что она Варя, – занимает несколько страниц, пестрит фото: Варя в руинах чешского замка, Варя в кафе с чашкой латте, Варя в свином питомнике. Сам-то Дмитрий интервью читал еще в Сети, а тут и напарнику подсунул. Пусть узнает хоть что-то. Пусть

узнает и тоже подумает. Правда, *так* он думать не сможет. И никто не сможет. Разве что этот...

Павел Викторович. Ее Павел. Смешно как вышло.

Нет. Ни хера не смешно. Красные полумесяцы на ладонях – от впившихся ногтей – говорят об этом яснее ясного. Кулаки еле разжались. И грозят сжаться снова.

– Чудаковатая все-таки чувиха, а? – Опять Лешка любопытно стреляет глазами. Цвет их по весне будто еще ярче стал, один в один ягоды крыжовника.

«Чувиха». Привет черт знает из каких стилижых годов, но слово Лешка любит. Пришлось привыкать. Спасибо, старшего по званию и совсем-совсем большое начальство не зовет чуваками. А вот группа по тяжким ⁶ у Лешки – все как один чуваки, и некоторые опера, например педант Сергей, тайно мечтают вырвать ему слишком уж подвешенный язык.

– Да, Лех, у нее довольно необычное мышление. И творчество тоже необычное.

Было. Надо же. А он-то дергался, когда Черкасов говорил о своем авторе... своей *бабе*, ладно, факт... как о живой. А оказывается, сам недалеко от того, чтобы поехать. Ванилла, Варвара, Варя не могла умереть. Вот же ее страничка вконтакте, она просто долго офлайн. Вот ее аккаунт в инстаграме, на последнем снимке – воробьи на подоконнике со зверским

---

⁶ Группа по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений – одно из подразделений типового РОВД. Занимаются преступлениями, относимыми к подследственности Следственного комитета (СК), например убийствами. Как правило, состоит из оперативников, взаимодействующих со следователями СК.

аппетитом жрут длинную сосиску, подпись: «Всюду весна». Пятьдесят комментариев от читателей, в основном ржущие смайлы. Всюду, всюду весна.

– За необычность вроде сейчас не убивают. Это раньше могли на костре сжечь.

– Нет. Ничего не поменялось. Просто костры стали незаметнее.

Лешка поглядывает поверх журнала – на голове шухер, в глазах скука. Ему свеженькое дело не важнее прочих, и это, конечно, здравая позиция: у самого должна такая быть. Но ее нет. Да еще Черкасов... Черкасову Дмитрий правду сказал: «Не давал покоя», только причину предоставил возможность додумать, настоящую не назвал. И сейчас водит пальцами по сенсорному дисплею, проматывая фото чужого инстаграма к недавнему отпуску в Румынии, к какой-то выставке, к анонсу обложки и опять возвращаясь к пожирающим сосиску лупоглазым воробьям.

Как странно. У Вари нет с Павлом совместных фото. То есть совместных как *совместных*, а не тех, где они стоят на фоне допотопных стеллажей, со стаканами кофе и в пиджачно-блузочном обрамлении дядек и теток из совета директоров. Совместных как «смотрите, у меня отношения», как «я не только успешный писатель». Таких нет, нет даже трогательно переплетенных пальцев, или колец, или букетов – ничего. Только дома, леса, море, книжки, еда, одиночные селфи. Варя взяла псевдоним Ванилла, но «ванильной» – кажет-

ся, так это называют или раньше называли девочки-подростки – не стала. Все ее чувства были глубоко-глубоко внутри.

– Что-то ты приуныл, Дим. – Лешка шумно стучит ногой по елочке советского паркета. Выбивает что-то морзянкой, кажется SOS.

Ну и что тут ответишь?

– Дим! Алле!

– Да нет. Просто работы много, сам же видишь, ничего не идет.

– Вижу только, что ты уткнулся в телефон, а меня заставляешь читать дичь.

Действительно.

Он так и не написал *ей* ни разу – а ведь хотел. Да что там, Варвара Перова понятия не имела о существовании Дмитрия Шухарина, как и о существовании большинства из семи с половиной тысяч подписчиков. Вместо нормального человеческого ника у него в профиле значится Dmitry и набор случайных цифр. Ни описания, ни фотографий: на хер этот глянцевый бред? Слишком много сил уходит на то, чтобы твоя жизнь со стороны выглядела успешной и интересной, а ведь эти силы куда больше пригодились бы, чтобы по звезде не пошла реальность. Фильтр поможет убрать мешки под глазами, но не ночи в нервном созерцании стены или бумаг. Нездоровую бледность, но не висельную пляску кровяного давления. Избавит от следа пули, но не от воспоминания, как приветливо она свистнула, пролетая. Дмитрий вообще

не видит в соцсетях смысла, кроме возможности поддерживать с кем-то связь, да и времени вести что-то подобное нет: какой виртуал у следователя, который в Шуйском – маленьком вообще-то городе, побольше средней подмосковной дыры, – работает, конечно, не в единственном экземпляре, но и не окружен десятками умных, опытных, надежных коллег? Никакого «Ко мне, мои мушкетеры», каждый сам за себя, у каждого свои пахучие кучи. Так что инстаграм он завел только из-за нее. Ваниллы, Варвары, Вари. Чтобы молча следить и после особенно гадостного дня думать о том, что когда-нибудь он ей напишет. Ничего особенного. Пожелает чего-нибудь заезженного вроде вдохновения и хороших тиражей. И терпения. И чего-то еще. Не любви. Ненавязчиво. Один раз.

– Чувак!

Он молча, не глядя хватает со стола смятый лист и запускает. Метко.

– Ух! – Лешка фыркает, мужественно приняв удар лбом. – Да, ты совсем скис. Ладно, так что думаешь, это все-таки психованный фанат до нее добрался, Дим?

Он откладывает телефон, яростно трет висок. Инстаграм можно удалить.

– Не только я. Опер так полагает, перестал толкать тему суицида. Обобщая показания всех, кто что-то видел, – да. Подозрительная эта девушка, которую консьержка не знала, не только ей попадалась на глаза, а больше никто и не захо-

дил в тот час, все-таки был разгар рабочего дня. Соседи... тоже вряд ли.

Лешка откидывает журнал на безбожно загаженный папками и чашками стол, начинает качаться на стуле. Скрипят ножки, сипло стонут паркетины, беспокойно пляшет по стене угловатая кучерявая тень, жаждущая хоть какой-то деятельности.

– А этот ее?.. – Лешка делает узнаваемую кирпичную рожу.

– *А этот ее* чист. Он даже не успел зайти в подъезд, подтверждено.

– Мог ведь нанять кого-то, а приехал просто удостовериться, что...

– Леш, а зачем эти мыльнооперные гипотезы? У них были хорошие отношения.

Слишком хорошие.

– Ну не знаю. – Скрип-скрип, стул гулко приземляется на ножки. – Мыльные оперы не с потолка берутся, Дим, жизнь – она разная. Помнишь вот чувака, который кораблики ⁷ прятал, подвязывая к брюшкам своих черепах? В «Форт Боярде» подсмотрел, падла!

Кораблики, черепахи... недавно наркошу закрыли, а будто век назад. Кивнуть, изображая всестороннее внимание, легко, а вот цепь мыслей так и замкнута на другом.

Все же было смешно вот так столкнуться возле трупа и

---

⁷ Жаргонное название пакетиков с марихуаной.

старательно изображать равнодушное неведение, пока ухоженный мужик с профилем римского прокуратора *ее* не представит. Неведение, а внутри форменный ад, где припадочно смеются бесы. «Ну что, написал ей в директ? А еще при погонах. Ссылкло ты, а не...» Не написал. И не придется. Впрочем, как оказалось, к лучшему, потому что есть этот – с кольцом с изумрудом. Не идиот, не мудака, не просто похотливый папик, а вполне себе достойный типаж. Интеллигентность, здравомыслие, огонь в усталых глазах, начищенные ботинки – все при нем, не отнимешь. Кстати, можно было догадаться. Даже когда Ваниллу, Варвару, Варю спрашивали в интервью о любимых книжных и киношных героях, она почти не называла ровесников или подростков, в основном это были мужчины за сорок – седеющие, холодные и породистые. Зато все, как один, – в форме или при власти. Может, это давало какую-то ложную, нелепую надежду?

– Дим, я в соседний, кофе бы поставить. Ну, чайник.

– Давай. – Пора бы наконец и в свое логово купить новый, взамен безвременно почившего, но на поиск чайника времени пока меньше, чем на сон. Так что спасают девочки, только добрые овэдэшные девочки-дознаватели, гроза мошенников, хулиганов и воров, с которыми вот уже год приходится делить здание. – Только не зависай, знаю я тебя. И не обжирай их опять.

– Я им сам зефир вчера купил, грушевый. И чокопаек две коробки. Захочу – и обожру!

Лешка выбегает, уязвленно тряхнув короткими, по-бараньи буйными кудрями. Неудивительно, что его в последние дни многое напрягает. Может, признаться? Может, станет попроще? Оно ведь, говорили в годы учебы, у каждого бывает – то самое *дело*. Которое болезненное, которое личное, которое вгрызлось в холку ли, в сердце – куда дотянулись зубы. Иногда оно и толкает в органы, иногда, наоборот, вышибает из них, а иногда вот так обрушивается – камнем по голове на взлете. Шухарин ведь Жеглов, говоря по-советски; Шерлок, говоря по-западному; «с заделом на Москву», говоря по-главковски. А тут – Ванилла, Варвара, Варя и проебаные нормы по всем фронтам. Ступор. Ад. И никому он это дело не отдаст, и не сольет, и ничего, нет. Лешка же, по злому и дикому стечению обстоятельств эту *инициацию* прошедший куда раньше, свое личное вытянул. Не проиграл... хотя все к этому вело, толкало, швыряло. Нет, лучше не вспоминать.

И вообще о Лешке думать, тем более с Лешкой шутить куда сложнее, чем кажется.

Взгляд – на соседний, заваленный стол. Что совой об пеню, что пнем по сове... ну и плевать. Когда Лешка только появился, ему здорово влетало за бедлам, за бумажно-картонные горы, за цветное разнокружье на всех углах, за нечесанные кудри Иванушки-дурачка. Не любил Дмитрий хаос, на собственном столе порядок был всегда, такой бы в голове. У Лешки нашлось полно и других недостатков: шумный, болтливый, читает мусор, да еще романтически бредит, что

пришел делать великие дела, а не чистить Авгиевы конюшни. В конечном счете все недостатки оказались терпимыми и частично исправимыми, а главное Лешка каким-то образом сохранил веру, что разгрести дерьмо и есть великое дело. Если не он, то кто? Наша служба и опасна, и ненормированна, и нелюбима прессой, и плохо оплачивается. Кого нельзя купить, того убьют или выдавят; кто не смог помочь, тот мурак без «но»; кто не бьет в камере, тот все равно бьет, ведь все верят в вероломно съеденную бабушку и никто – в вовремя пришедшего охотника. Но Лешкин лихой настрой хоть немного, да заражал. Еще недавно. А сейчас?

Дальше взгляд спотыкается о распечатку, где черные волосы и темные запавшие глаза. Девушка из подъезда – непримечательная, разве что какая-то истерзанная, будто мучительно страдала в долгом плену. Глядит хмуро, исподлобья. Что там про нее говорила консьержка еще? Высокая. Тошная. Дорого одета. Неопасная вроде, поэтому бабка и пустила, решила, мало ли к кому могла прийти вот такая «подружка». Старая дура...

Кстати, о «страдала». Мысль. Пригодятся данные о том, не сбегал ли кто-нибудь буйный из здешних психбольниц. Люди сходят с ума из-за знаменитостей, в том числе из-за писателей. Такое бывает. Даже у Кинга история была, вроде «Мизери», там писателя не то похитила фанатка, не то еще какая-то дрянь произошла, связанная со сталкерством. Ванилла, Варвара, Варя стояла того, чтобы сходить из-за нее с

ума. Доказано. И сталкеры у нее были... как минимум один. Вот этот, в черном зеркале погасшего телефона.

Он закуривает, упирая локти в стол, мрачно глядя в исцарапанную поверхность, где, кроме листа с фотороботом, – ничего. Телефон пиликает, выстреливает уведомлением; черное зеркало оживает. Странно. Оповещения стоят только на инстаграм и только на *нее*. Спам? Но слишком привычно – разблокировать экран, открыть приложение.

Вверху ленты – черно-белый снимок, незнакомая блондинка на фоне открытого окна. У блондинки красные губы, а взметнувшиеся от сквозняка занавески – старушечьи, да и вообще окно, кажется, то самое. Опечатанная квартира убитой Перовой. Ваниллы. Вари. Приписка к фотографии: «Призраки не поют, mon cher».

Да. Выложено с *ее* страницы. Но когда дрогнувшие пальцы открывают профиль, последнее фото – по-прежнему воробьи-троглодиты. И когда, дрогнув еще раз, пальцы возвращают на экран ленту обновлений – тоже. Птицы. И какая-то чертова контекстная реклама средств самообороны. Никакой блондинки. Никакой...

– Дим!

Падения телефона не слышно за бодрым грохотом: Лешка, приземлившись задницей прямо на край стола, ставит рядом с локтем увесистую термочашку черного кофе. Позаботиться решил, мать его, а теперь вот шарахнулся от бешеного взгляда, чуть не свалился на пол.

– Ты чего?! Напугал, что ли? Я ж сказ...ал?

В кофе – собственное искаженное, нечеткое отражение. Лицо кажется очень белым, глаза – провалами. Призрак... «Призраки не поют». К чему это?

– Дим?..

– Надо проверить квартиру. – Голос как чужой.

– В плане? Какую?

– Перовой.

Ваниллы. Варвары. Вари, которую кто-то...

– Мы там только недавно были! И эксперты даже уже были дважды!

Он поднимает телефон, разблокирует, листает ленту инстаграма еще раз. Никаких фотографий. А что, если вообще показалось, если...

– Так. Отдай. Обожжешься еще...

В левой-то руке все еще сигарета, хотя затянуться он успел раза два. Не погасла, медленно тлеет, сыплется на чистый стол дорожка пепла, похожая на длинную нервную запяную. Лешка отбирает сигарету, критически оглядывает, тут же затягивается сам. Экономия, у них так часто: один на двоих пакетик с чаем, одна на двоих пачка, вообще все пополам. В этом своя доля рациональности: полкапли никотина, например, убивает только половину лошади, вторая может еще поработать. Зажигалка тоже одна, никак не сдохнет, будто бесконечная. С рыжей чертовкой, кокетливо обнажившей левую ножку и правую грудь, – ясно, кто выбирал.

– Да что случилось? – Лешка выпускает ноздрями сердитую дымную струйку.

– Туда кто-то залез.

– Откуда знаешь?

– Знаю. – Он поднимается. Лешка кидает тоскливый взгляд на свою кружку. – Ладно, пей. Я пока машину выведу.

– Дим, а у нас вообще-то дел до хера, у тебя отписки скопились. Квартиру эту...

– Хорошо. Поеду один. Отписки ночью... Сергею не говори, будет дергаться.

Да, не хватало, чтобы опер всполошился. Его и так бесит, сколько личного интереса и нефункциональной инициативы растрачивается на «вот эту, которая из окна выпала». Сергею-то поначалу хотелось, чтобы спустили на тормозах. Можно же было подъездную бабку проигнорировать, слова ее – не тот случай, когда безупречно складывается два и два. А ну как «девица» ей приснилась или еще что? Сергей даже бычил в открытую: «С хуя ли, Шерлок? Сирота, богема, кололась небось, вот и вывалилась, кому она...», но ответа внятного не получил – только внушительный список поручений по ОРД⁸. Можно его понять: помешан ведь на своих показателях эффективности. И вот теперь непременно напомним о том, сколько разного другого еще не подписано, не укомплектовано, не согласовано и не сдано. Зря он, что ли, вкалывал? Делишки, цитируя его, ноги не отрастят, до про-

---

⁸ ОРД – оперативно-розыскная деятельность.

курора не добегут.

Лешка кивает и остается рассиживать на столе с хозяйским видом, мол, вытворяй что хочешь, я пас. И ладно: вряд ли поездка чем-то чревата. Но когда уже рычит мотор, Лешка пулей выбегает во двор, под нечесанные серые облака. Несется от крыльца, высокий, нескладный и моментально раскрасневшийся пятнами. Забавно выглядит. Забавно, но это не помогает сейчас взбодриться и усмехнуться, да даже улыбнуться совсем чуть-чуть. Выходит только сощуриться и колко уточнить:

– Что, дела подождут? Заключение мои добивать не хочешь... чувак?

– Это ж быстро. – Лешка уже бухается рядом. Как и при любом бюрократическом намеке, дергает плечами. – А ну как вправду кто влез, а ты один? «Преступник всегда...»

– Это штамп, да к тому же бредовый. Ну давай, расскажи мне, много наших с тобой преступников возвращалось? Многих не на другом чем-то замели, не по случайности?

Лешка молчит. Оба знают ответ: ноль. Преступники Шуйского либо достаточно соображают, либо возвращаются, когда их не караулят. А девушка? Она откуда? У окна стояла с мечтательно-победным видом, словно над поверженным тигром, и голову откинула, и рот этот кровавый... Зернистая чернобель кадра и красные губы.

– Дим, – вместо хоть какой-нибудь выдуманной цифры Лешка бьет по живому. – Это у тебя... личное? Я знаю, я

такое видел, я же не дурак. И я помогу.

И этот туда же. «Личное, Дим». Ничего не ответив, он выезжает на улицу.

Преступник всегда возвращается на место преступления. Ванилла, Варвара, Варя тоже это отрицала, утверждая: в реалиях нынешнего мира так может сделать только идиот. К тому же красавица-блондинка не напоминала девушку с фоторобота. Но зачем-то она заявила? Или померещилась?.. Впрочем, можно почти не сомневаться: заявила или не заявила, померещилась или не померещилась, он ее не встретит, по крайней мере, не сегодня.

«К нам не входили взрослые. Никогда не входили и не заставляли нас за игрой».

Ванилла, Варвара, Варя... с кем же ты заигралась?

* * *

– ...«Пишете ли вы о себе?...» Так вот, нет. Не пишу... Честно говоря, я трусливая как не знаю что. Все время кажется, будто напишу гадость про кого-то на меня похожего – и сбудется у меня самой. К тому же моя жизнь все-таки не для книг, она хорошая сама по себе, но я-то довольно скучная. Куда скучнее окружающих.

– **По вашим ответам и не скажешь!**

– Я научилась казаться чуть интереснее как раз вот... для вас. Ну, для прессы и соцсетей. А что вы

удивляетесь? Казаться интересным – тоже навык.

– **Никогда об этом так не думал.**

– А я вот постоянно. Знаете, как было сложно, когда меня стали много читать и расспрашивать? И звать куда-то, на встречи например. Я ведь ленивая и замкнутая, замкнутая и ленивая...

– **Варя, две-три книги в год – разве ленивая? Вы изумительно продуктивны!**

– В книгах и в работе, больше ни в чем. Как только меня просят что-нибудь другое сделать – ну, там, в библиотеке выступить или вот с вами пообщаться, – во мне тут же привстает с дивана Илья Ильич и стонет: «Ну я же уже написал книгу! Что вы от меня еще хотите? Заха-ар!»

(Смеются оба.)

Вообще страшно завидую авторам прошлого – Сервантесу, Дойлу, Сэлинджеру, Булгакову. Тем, кто просто бросал в воду жизни камни своих книг и смотрел на круги. И смотрел, и смотрел... Знаете, чему завидую? Что их уже нет, а круги все идут.

– **Делай добро – и бросай его в воду. Так у нас в Армении говорят.**

– Тоже так хочу. С другой стороны... так больше нельзя, потому что нас, бросающих камни, стало больше. И это тоже здорово.

(Беседовал Арташ Арушанян.)

3. Живущие во тьме, дающие свет

Помню, как по земле ходили диплодоки, а практически единственными местами, где автор мог услышать мнение о своем тексте, были литпериодика, творческие вечера и редкие выезды на писательские дачи. Максимально немедийные годы: теле- и радиоэфир-то не резиновый. Книжный мир жил как Олимп, но у этого были преимущества – например, возможность выставлять границы. Автор или издатель не был богом, но читатель определенно не топтался в его прихожей. Это сейчас кто угодно может прийти к кому угодно в соцсети и с равной вероятностью как подарить букет, так и облить грязью. Интернет принес гласность для всех, даром, и никто не ушел обиженным. Ну, кроме тех, к кому слишком зачастили в гости.

Авторы вообще существа ранимые, каждый по-своему. Это первое, что я сообщаю редакторам-новичкам. С авторами, вопреки мнению некоторых моих коллег, не нужно как с больными или неразумными детьми, это и глупо, и унижительно – но с ними нужно так, как вы хотели бы, чтобы вели себя с вами. Впрочем, это золотой принцип в любом коллективе. Не нужно быть ни услужливым зайцем, ни матерым волком – будь человеком, и хватит. Но если у большинства редакторов, даже молоденьких (особенно из моего родного вуза, точнее, его тлеющих останков),

это в крови, то за издательской территорией – суровые джунгли, где автор может нос к носу столкнуться с каким угодно ужасом.

Самым ужасным ужасом обычно становятся читательские мнения. Ведь если книга хоть сколь-нибудь продается, интернет быстро наводняется отзывами и обзорами, рецензиями и даже тем, что претендует на громкое звание критики. Тысячи слов о новой книге – вот только далеко не все слова лестные и уж точно не все дифирамбы. Давно заметил, есть у большинства авторов тайная тяга – не просто понравиться, но овладеть думами и сердцами, взбаламутить их и перевернуть. Но дум и сердец на всех никогда не хватает, а кто-то еще и плюнуть вслед захочет.

Советская эпоха была годами критики – той самой, настоящей, которая не про поругать-похвалить, а про добросовестно разобрать, привести примеры, препарировать. Душу текста отделяли от костей, говорили о композиции, стиле, символизме, идейности – больше, чем об абстрактном «отклике». Профессионалы критического пера вообще редко обнажают душу, в отличие от нас, впечатлительных обывателей. Зато им нельзя просто сказать «понравилось» или «не понравилось» и оправдаться фразами «не люблю описания», «хотел, чтобы Маша осталась с Колей, а она с Петей». В современных рецензиях аргументации меньше, зато нескрываемой любви больше, порой она так и звенит, переливаясь

через край. Но тут как повезет, вместо любви может быть и ненависть, могут быть такие упражнения в остроумии, что гонителям Мастера не снились. И автор у нас идиот, и у художника руки из ушей, и у редакции нет вкуса, и власть вообще офонарела, раз не запретила «выпускать такое, оболванивать и растлевать население». Неизбежный эффект стопки водки натошак: впервые за много лет людям разрешили говорить без оглядки, отвели под это площадки – и некоторые увлеклись.

Голосов все больше. Бесстрастные критики-константы тоже остались: какие-то на ветшающих страничках периодики; какие-то в инновационных жилищах вроде фейсбука, – но в поле их зрения попадает намного меньше книг, чем издается. А вокруг выросли тысячи новых общительных переменных, объективных и не очень, профессиональных и безалаберных. Маркетологи только и рады: да, говорите, говорите – главное, чтобы слышали и подхватывали. Делайте нашу работу за нас. Люди осторожны и любопытны одновременно: охотнее тянутся именно к тому, что уже потыкали пальцами до них. «Эту книгу обругал весь свет? Дайте, уж я-то разберусь, из-за чего шум!», «Мировой бестселлер? Мне тоже надо, что я, лох?» Это будет работать, пока мир – бесконечная пещера, вся темнота которой – информация. «Читайте нас», «учитесь у нас», «покупайте у нас», «одевайтесь как мы». В темноте превышающих спрос предложений люди ослепли.

Большинство просто идут на шум, выбирая, что любить, что надевать и кого сажать в партийные кресла.

А вот между теми, кто говорит, и теми, о ком говорят, по-прежнему фигуральная пропасть. Джуд советует заполнять ее эмпатией, только не получается. Когда кто-то, например, честит книгу на чем свет стоит и желает автору найти другое дело, он редко задумывается, что автор почувствует. Так что своим я советую просто не заикливаться, пореже себя гуглить и тем более не принимать все подряд отзывы как руководство к действию, проклятье и диагноз. Не слушают. Некоторые в итоге, начитавшись разного, закапывают себя так, что обратно их откапывают только коллеги Джуда или он сам. Внутренних Белинских, у себя же выгрызающих солидные куски печени, и внутренних Лжедмитриев, предлагающих самим же себе переквалифицироваться в управдомы, он повидал немало.

В нашем сознании почему-то заложена вера: если дверь заперта, за ней что-то сокровенное, важное. Вера остается, сколько бы ударов током ты ни получил, сломав очередной замок. Та же Варя достойно писала, ее активно читали, много хвалили. Но чем больше читателей, тем больше мнений. У шума – а чем написание книг не шум? – тоже есть законы. Самый простой: рано или поздно кто-то вежливо или не очень попросит вас замолчать. И дернул же Варю черт пойти на левые сайты, в народ...

И вот однажды она позвонила мне и печально

сообщила, что кто-то где-то небывало разгромил ее бестселлер. Ей было около двадцати, и вышла первая ее книжка – та самая, про учителя и демонов. Отзыв был далеко не критический в словарном понимании: голое возмущение кого-то, кто просто был к истории не готов. Не считал отсылку, не приноровился к языку, ждал ужасика вроде «Крика». Упор в отзыве был на то, что книга «сухая, унылая и не подходит в серию» (вышла, каюсь, действительно среди более простых текстов, да еще в обложке с томной блондинкой среди черного леса, под диким названием «Ад, где меня не найдут»). Не понимал несчастный читатель, хоть убейте, чем Варина история всех зацепила, почему у нее такие рейтинги. В конце он посочувствовал деревьям, которые пускают на такие «шЫдевы». Сочувствовать лесам, вместо того чтобы сажать их, – кстати, одно из любимых развлечений недовольных людей.

Вообще негатив в категоричной форме всегда ставил меня в тупик. Книга или фильм – это не машина, не сковорода, не оценишь по работоспособности. Сколько людей, столько и вкусов. Я вот не люблю «Гарри Поттера», для меня это пустышка в золотой фольге. Но его любят мои племянники, да и великовозрастные брат с сестрой. Мне в голову не приходило публично рассуждать о том, что живая Гермиона выбрала бы кого угодно, но не Рона, гибели крестного не хватает логики, мир шаткий, а злодеи не раскрыты даже экскурсами в прошлое. Кому это интересно? Лучше потрачу время на перечитывание избранных мест из «Понедельник

начинается в субботу» – книги, которая мне по душе.

Каждый автор переживает взгляд в читательскую бездну по-разному. А я стараюсь, чтобы примирение с существующими где-то рядом разгромными рецензиями было безболезненным. «Здравствуй, Даня. Да, Даня, здесь тоже водятся тигры. Нет, Даня, не нужно идти к ним в комментарии и сообщать, что для твоего романа им не хватает читательского опыта, и эрудиции, и вообще они ничего не понимают в японцах. Всё они понимают – просто не так, как ты». К счастью, почти все авторы адекватно принимают простой факт: людям не нужно запрещать говорить о тебе плохо – это путь к диктатуре. Правильнее осознать не менее важное: то, что кто-то говорит, не значит, что ты обязан слушать. Он и без тебя найдет собеседника, а ты без него найдешь читателя.

Когда бедняга Варя позвонила мне и зашмыгала носом – в начале нашего знакомства ей еще свойствен был постподростковый драматизм, – я испугался, думал, случилась какая-нибудь катастрофа. А вот тебе – отзыв. Вспоминая более взрослых авторов с дубленой шкурой, я посоветовал слушать большинство: большинство в ажиотаже скупало книгу, красиво ее фотографировало, сыпало цитатами и рисовало картинки по мотивам. И если честно, я до сих пор не до конца понимаю, почему после этого совета Варя сухо попрощалась и положила трубку.

Через несколько дней я, заметив, что она продолжает хандрить, поехал к ней домой, все равно хотел отвезти

прибывшие авторские экземпляры. Да и пилигримово любопытство одолело, в Шуйском – непонятно в честь кого названном городке – я раньше не бывал, Варя приезжала в Москву сама.

Я сразу уверился: город таки получил имя в честь того самого Михаила, несчастного юного полководца Смутного времени. Его стилизованный монумент – курчавый безусый богатырь в кольчуге и с двурушником – встретил меня прямо на вокзальной площади. Больше городок, застроенный в равной пропорции старыми купеческими домами и печальными стайками неуклюжих хрущевок, меня, к сожалению, ничем не удивил. Впрочем, там жила Варя. Это – удивительно.

Я приехал со свеженькой «Прагой» – универсальным тортом, который любят, по моему опыту, практически все. Коньяк не повез, вообще еще не знал, пьет ли она. Варя мне и тарту порадовалась, взбодрилась после того, как я в который раз клятвенно уверил ее, что книгу мы взяли не чтобы заткнуть дыру в серии – она действительно хороша. Мы полистали издание, с сожалением выловили пару опечаток, а потом отправились пить чай на ее тесную кухню. Там тема «литературных гадостей» опять вылезла. Кстати, тогда я, наверное, и влюбился, хотя уже не вспомнить. У любви не всегда есть «точка вскипания», часто это скорее равномерное нагревание – исподволь, взглядами, улыбками и вот такими вечерами, полными внезапных честностей. Теплеет, теплеет под сердцем... а потом ядерный взрыв. Хи-ро-си-ма.

Из разговора с Варей я узнал о мотивации, о которой не задумывался раньше и даже не слышал. Не сомневаюсь, что она была у многих, но большинство авторов в ней просто не признавались, слишком уж наивно. Они, если у нас заходила философская беседа о том, для чего, собственно, писать книги, как правило, называли:

– Самовыражение (как в старой рекламе не то шоколада, не то газировки: «достойно уважения»).

– Сублимацию и компенсацию (эти слова любили люди с дипломом психолога).

– Желание стать богатым (честные, но наивные у меня тоже есть).

– Желание стать классиком (таких я мысленно жалел и желал долгих лет).

– Чтобы не спятить от голосов в голове (так ожидаемо, что уже не страшно).

Варя выдала другое – так, будто мы знали друг друга сто лет. Скорее всего, она просто устала и решила не облачаться наспех в доспехи колючего цинизма.

– Понимаете, Павел Викторович, у меня, к сожалению, не много доступных способов делать добро. Когда я была маленькая, мне казалось, что есть только два настоящих дела: или защищать, или лечить. Я не смогла стать полицейским или спасателем, как хотела: хилая. Врача из меня тоже не вышло – я тупенький творческий гуманитарий. Я стала искать хорошую профессию, чтобы денег давать на всякие приюты, больницы. Дизайн подошел. Я давала и даю,

но это... мелкогато. И тут оказалось, я могу делать еще кое-что нужное – писать книги, которые будут не просто нравиться, но и... становиться чьими-то друзьями. Наводить на мысли, вдохновлять, помогать с чем-то справиться. И расстроилась я не из-за того, что кто-то не в восторге от романа – такие и раньше были, и будут. Меня расстраивает, что с «другом» не вышло. Я же такая не одна. Люди пишут про многих современных, еще живых авторов: «графоманы», а авторам этим ничего не надо, кроме как помочь кому-то выбраться из тьмы, из которой сами мы не выбрались. Многие не выбрались, так и блуждают. Живые сюжеты чаще всего рождаются именно во тьме. Вы так не считаете? Взять тибетских монахов... сколько среди них просветленных, да? Но почти никто почему-то не пишет художественную прозу. Пишут ее тоскующие травмики. Неудачники. Потеряшки. И те, кто еще в пути.

Это было немного безумным, а насколько безнадежным – не описать. Но я, пожалуй, понял. Многие авторы кажутся мне именно такими – маяками, которые, давая яркий свет, сами плавают в крошечной тьме. Кто их должен оттуда вытащить?

– Не всем нужны помощь и дружба, Варвара... Некоторые покупают книги по моде, некоторые – от скуки, некоторые – вообще именно для того, чтобы посмеяться, особенно если автор молодой. Есть даже обиженные отказники, которых не печатают, – так они специально следят за новинками, чтобы позубоскалить

над более везучими.

– Понимаю. Постебаться тоже потребность.

Не все потребности прекрасны, что поделаться, – шакалы такая же часть природы, как благородные волки, и кто знает, что бы здесь без них сломалось. Я молчал, а Варя курила; пепел сыпался в блюдо с недоеденным тортом. Наконец я решился посоветовать ей хоть что-то:

– Вам просто нужно смириться. В конце концов, нельзя подружиться со всем миром. Не все стоят нервов. Некоторым поможет кто-нибудь другой или хорошая трепка.

– А как смириться-то? – безнадежно спросила она, но над трепкой хихикнула.

Мои аналогии были так себе, слишком глобальные и злободневные. Я сравнивал несравнимое – так мне казалось. Это сейчас, особенно после диалога с Дмитрием про литературный мусор, я понимаю, что, в принципе, был прав. Но тогда я оправдывал себя только тем, что Варе двадцать. В двадцать иногда – особенно девочкам, росшим на Крапивине, девочкам-одиночкам, да и мальчикам тоже – хочется подвига. И я сказал:

– У каждого, кто делает что-то хорошее, высокие шансы либо прослыть еретиком, либо стать мучеником, причем именно за то, что вроде как заложено в его призвание. У чуткого свободомышлящего священника, у принципиального полицейского, у честного политика, у работающего врача. Такова жизнь: свет всегда гасят. Вам не переубедить всех, кто делает это, но вы можете

светить для тех, кому нужны. Я не думаю, что вам станет легче, но по крайней мере это лучше, чем расстраиваться впустую.

Она вдруг улыбнулась. Улыбалась она всегда слабо, как-то по-джокондовски.

– Мученицей мне точно не быть, а еретичка... хм... звучит даже модно!

Больше она не переживала из-за отзывов – во всяком случае, не показывала этого, ну а вскоре и сама уже утешала юных авторов, заставляя картину маслом: «Опять двойка на “ЛайвЛибе”». А еще с того дня мы стали немного ближе, больше шутили и болтали. И вроде бы Варя со всеми этими слезами повела себя как обиженный ребенок... но именно тогда я осознал, насколько внутренне она уже взрослая. На прощание она поблагодарила меня за самую простую на свете вещь.

– Спасибо, что не посмеялись. Я обещаю, я... исправлюсь. И справлюсь.

Восемь.

Семь...

«Павел Викторович еще в кикозе».

Разносится это по всему опенспейсу, хотя никто не произносит вслух. Ни разу не произнес, но фраза так и проступает тревожными кровавыми надписями на бледно-песочных стенах, синем ковролине, белых стеллажах с «сигналами». Дремучее словечко удивительно прижилось именно у нас, полюбил его стар и млад, хотя вне редакции я практически

перестал его слышать. Возможно, потому, что вся издательская экзистенция – ненормированная и полная трагикомедий – и есть сплошной кикоз.

А я просто сортирую Варины имейлы. Странно, что не зашел раньше.

Новый уровень сантиментов для нового века – цифрового. Оголтелая бумажность сменилась столь же оголтелой электронностью, а мне все равно есть что сохранить. Не в коробке на антресоли, а в невидимой за пределами компьютера папке, так и названной: «Варя». В груди у меня такая же. Там, кроме слов, еще коньячные пробки, недокуренные сигареты и сухая листва. И к ней нет пароля, иначе я, может, захотел бы его забыть.

Варя, как и я, не любила и особо не умела говорить, лучше излагала мысли письменно. Что бы она ни писала, это принимало художественную форму. Даже письма, где мы обсуждали подготовку очередной книги, напоминали иногда истории. Что-нибудь вроде «Граф Колянчик (наш худред Елистратов) соизволит познакомить меня с госпожой художницей? Прибыть с визитом или просто прислать пару летающих голов на референсы?» Или: «Тем, сколько занимаются сексом мои подростки, я прогневала критика N. Берегитесь, на вас идут с факелами толпы мам и нянек!» Или: «Серая бумага? За что же так со мной; она похожа на ненастную Фудзияму!» Я смеялся, читая это. Даже не знаю, как ей не надоело и как она не повторялась. У нее и для коллег шуточек

хватало.

Часть писем формальные, ни о чем – я удаляю, сентиментальности недостаточно. Если разобраться, мне вообще хватило бы десятка имейлов, но сохраняю больше, они могут понадобиться по «чисто деловым делам». У Вари нет семьи, была только тетьа, и та умерла. Варя говорила, что в случае чего за ней даже наследовать некому.

«А давай ты, Паш. Права на романы тебе пригодятся, квартира тоже. Продашь ее – а деньги в бюджет, под проекты. Дашь шанс какому-нибудь очередному молодому автору с улицы. Я же вижу, их у вас стало меньше».

Меньше. Мы стали осторожнее отбирать авторов, это точно. Крепнет печальное ощущение, что чем больше зажигается звезд, тем меньше среди них ярких. Пишут сейчас много и многие, а вот темы и типажи кочуют из истории в историю: этого нервного писателя в кризисе я уже видел, и хорошенькую отличницу, увязшую в любовном треугольнике с двумя хулиганами, тоже, и роман про непростые отношения сыщика-человека и сыщика-робота читал... трижды. Действует удручающий обратный принцип; кто-то ведь верит, что, если пятьсот тысяч мартышек посадить за клавиатуры, рано или поздно одна сотворит шедевр. Что же за эксперимент?.. Ах да. Не эксперимент. Просто вариация на тему так называемой теоремы о бесконечных обезьянах⁹. Которую так нор-

---

⁹ Классическая теорема о бесконечных обезьянах утверждает, что абстрактная обезьяна, ударяя случайным образом по клавишам в течение неограниченного

мально и не доказали.

Я удаляю последние имейлы: Варя прислала корявенький синопсис и великолепные отрывки почти дописанной книги, а я предложил ей вариант, куда мы ее поставим. Дальше только мое короткое «Я скоро заеду» и ее анимированный, одобрительно кивающий смайлик. Варь, это забавно. Столько любовных историй кончаются трогательными письмами, как у Куприна в «Гранатовом браслете». А наша вот оборвалась на кивающем смайлике.

– Нет! Прошу прощения, Сабина, я не могу сейчас это обсуждать, вообще неизвестно, что там с серией. Я вам напишу... позже, позже, да, извините, мне пора!

Мимо пробегает Динка – с бешеным таким взглядом. В такт шагам качается на макушке светленький хвостик, летят фонарики рукавов белой блузы. Динка прижимает к уху кислотно-красный смартфон, каблучки – цок-цок. Похожа Динка на маленькую взмыленную лошадку, и бежит лошадка, судя по дрожащей губе, плакать в туалет.

Уже третье наше с Динкой утро начинается одинаково. Мы сталкиваемся на общей кухне. Она, качнув хвостиком, спрашивает: «Чай?», а я киваю. Она щедро кормит зеленый пузатый чайник крымским сбором, который сама же притащила из похода. Пока чай доходит, источая пахучий лавандовый пар, мы сидим за столом друг против друга и держимся за руки, точнее, кончиками пальцев за кончики пальцев.

Пару минут – заварка ядреная, ей хватает. Мы пьем чай из одинаково безликих желтых термокружек, потом – еще по стопке валерьянки – и наконец идем работать.

Динка одна из моих Трех Девиц, трех ведущих редакторов художественной литературы. Отвечает в основном за янг-эдалт, но выпускала и Варю, независимо от тематики и жанра. Они хорошо общались; у нее и других авторов-друзей полно, но ей непросто, даже на похороны не смогла пойти. Моя Динка, как и та, книжная, давно попрощалась с детством, а вот плакать не перестала, не стесняется. Может, поэтому в сравнении с двумя железобетонными коллегами в том же звании – одной помладше, второй постарше – она переживает стрессы проще, в плане, без последствий: у Динки, по крайней мере, ни язвы, ни явных ментальных проблем. Она выплакивает весь накапливаемый от гремучей жизни яд, потому и с работы выбегает всегда счастливая, румяная и сияющая. Кроме трех последних дней: тут она пересидит дольше меня. Что-то лихорадочно доделывает, роется в самотеке, сварливо пинает литредов и художников, подгоняя что-то, что еще даже не загорелось. Но Динке так проще.

– Диныч...

Она не слышала. Убежала. А мне прилетает в почту свеженькое письмо.

Сабина Шведова-Ясминская. Сабрина Кроу. Риночка, как мы ее иногда зовем.

«Здравствуйте, Павел. Простите, что беспокою, но реши-

ла прояснить вопрос дополнительно, а то девчонки ваши заняты. Насколько мне известно, место в плане на июнь в серии *Lux in tenebris* освободилось. Может, поставим мой новый роман? Я присылала его месяц назад. Синописис...»

Я закрываю письмо. Спасибо, милая, что «место освободилось». Спасибо, что «место освободилось», а не «эта ваша Перова, с которой вы носитесь, наконец-то умерла».

Сабина – ровесница Вари. Сабина, когда мы взяли ее первый триллер, очень хотела псевдоним Кинг, но я не разрешил. Объяснил это тем, что мы, конечно, слегка жульничаем, но выезжать за счет параллелей с западными авторами не собираемся. На самом деле уровень Сабининых текстов был неплохим, но ни Кинг, ни даже его прославленная в соцсетях собака и рядом не валялись. Больше наивных сюжетных тропов, больше максимализма, другая атмосфера, подача, а главное, совершенно другой контингент героев, сплошь Холдены и Венди. Тогда Сабина стала Кроу, а заодно и в имя добавила лишнюю букву, в память о любимом сериале про какую-то ведьму. Ей идет: она готичная брюнетка, а еще немного ворона из басни Крылова – по-детски падка на похвалы. Риночка умеет и любит мечтать. Она из тех, кто честно говорит в интервью: «Я очень хочу стать знаменитой». Чтобы переводы по всему миру, кино на Netflix, вилла в Калифорнии и эти, как их, косплеи с фандомом (или фандом с косплеем?). И у нее хорошие шансы. Но все это не особо про *Lux in tenebris*. Вряд ли там нужен Netflix, скорее дикий

сплав Тодоровского, Ридли Скотта и Гильермо дель Торо.

Вообще *Lux in tenebris* – одна из моих любимых смешанных русско-иностранных серий, объединяющих книги в жанре магического реализма. Помню, как ее на этапе создания боялся отдел маркетинга: все убеждал меня, что а) название надо русское, б) название надо понятное. Мы их переубедили и презентовали все правильно. «Свет во тьме». Читателям понравилось. *Lux in tenebris* они ценят именно за то, что, как ни блуждают во тьме персонажи, в конце они непременно обретают искомое. Свет. Свободу. Иногда спасение – свое или целого мира. В героях побывали и маленькие сиротки, и стареющий диктатор, и американские колонисты, и даже сестра Моцарта, чью биографию метафоризировали в стиле «Лабиринта Фавна». Дана – моя грустная, серьезная, мучающаяся от биполярного расстройства Дана – придумала эту серию, когда я пересказал ей тот разговор с Варей, про мотивацию писать. Динка подхватила и развила, купила первые права, додумала «одежку»: монохромные обложки, фольгированные серебром или золотом заглавия, черный обрез. Дороговато печатать, но всем нравится. Семь книг позади, а продажи все еще не просели. Пара русских авторов даже брали премии. Варя очень хотела туда, почти успела, но вот...

Варь, ты, наверное, просто раздала весь свет раньше. Другим текстам. Другим сериям.

«Сабина, здравствуйте. Рад вас слышать. В плане на июнь

В *Lux in tenebris* стоит Перова. Ждут Перову. Насколько я знаю, она действительно не дописала новую книгу и мы не сможем ее выпустить, но я давно планировал переиздать “Ад...”: Варвара сделала расширенную редакцию, более вдумчивую и зрелую, с дополнительными линиями. Поэтому вместо допа сделаем такой проект. Что касается вашей книги, я попрошу ознакомиться с ней как можно быстрее и поставить в план, возможно, на июль или к ММКВЯ. Вряд ли в эту серию, но подумаем. Коллеги будут держать вас в курсе. Хорошего дня».

«Ад...» действительно вырос с Варей. Там и раньше был довольно необычный сюжет: девчонка, которую травили одноклассники, стала расследовать их смерти и чуть не погибла, столкнувшись с Охотником. Но если прежде это был все-таки больше хоррор с душком всем известных «Детей кукурузы» – пусть и качественный, – то в новой версии книга стала куда психологичнее. История принятия своей инаковости. История обретения себя: в конце девочка поступает в академию МВД. История о том, как озлобленное создание, сидящее у воды и радующееся каждому проплывающему трупу врага, превращается в человека. Новое название соответствующее, короткое, но емкое: «Я прощаю». И ненавязчиво вплелась в сюжет влюбленность героини в молодого следователя, ведущего дело об убийствах школьников.

Сабина отвечает коротко: «Спасибо, буду ждать!» На самом деле, наверное, фыркает, а может, у нее пригорает го-

вяжъя поджарка на сковородке или что она готовит своему вскоре возвращающемуся с работы и из садика семейству. Сабина переживает, что мы в нее не верим. Я верю, хотя у меня пока нет возможности даже поднять ей роялти. Она не боится опасных тем – про домашнее насилие, секты, детскую проституцию говорит открыто. Глубоко не копает, использует как дополнение к сюжетам, но все же она смелая, и я ее уважаю. Книги у нее интересные. Неплохо написаны. Но они пока слишком поверхностны для «большой» прозы и уже слишком сложны для развлекательной. Переходный возраст: у Сабины как у личности он давно позади, а вот как у автора – в разгаре. И герои... вновь вспоминая советское выражение, я ни с кем из ребят Сабины не пошел бы в разведку, хотя молодежь их метущиеся души очень любит. Издав три книги Кроу, я уже знаю: Сабина не выводит к свету, она, наоборот, окутывает бархатной тьмой, за что честь ей и хвала. Она из особенно ценимых мной авторов, но в *Lux in tenebris* я ее роман едва ли поставлю, лучше поищу что-то новое. Варя права: пора опять пытаться удачу.

– Павел Викторович...

Динка. Динка с красными, как у ангорского кролика, глазами.

– Да, Диныч?

Она крутит в руках телефон.

– Вас Риночка может побеспокоить. Она тут хочет в «Свет...». А я, кажется, не очень с ней хорошо поговорила,

сквозь зубы немного.

– Не волнуйся, уже побеспокоила. Я сам поговорил.

– Тоже сквозь зубы? – Динка склоняет голову грустно, понимающе. Она про нас с Варей знает или, по крайней мере, догадывается.

– Да нет, нормально. Книгу ее выкопай, прочти и поставь на конец лета – осень, в «Голоса дня», если это реализм, или в «Голоса ночи», если опять мистический мрачняк. Я не смотрел...

– Да я читала. Городское фэнтези. Про девушку, умершую в самолете и попавшую в параллельный мир – или скорее отражение нашего, – где городские птицы, ну там голуби, ласточки, воробьи, на самом деле оборотни. Они все живут в мансардах на крышах, а дома отдают «воздушным душам» – тем, кто погибает в небе. И сейчас этих погибших летчиков, пассажиров и так далее уже так много, что люди и птицы воюют...

Хорошо звучит, свежо, в духе Риночки, но...

– И там, конечно, невероятная любовь с вражеским принцем? И девушка окажется особенной? Спасет всех от чего-то, с чем и взрослые птичьи вожаки не справятся? И рядом обязательно будет какой-нибудь добрый... м-м-м... стриж или голубь, тоже в нее влюбленный?

Динка кивает на каждое предположение. Эх, Сабина, знаю я тебя. Такова броская примета современной молодежной литературы: если герой не избранный-особенный, да еще не

по уши в любви, то книга не книга. Трогательный зверь – янг-эдалт. Мы его очень любим – не только за продажи, но и за попытки вмняемо выстроить диалог с молодежью и за ослепительный, важный посыл: «Ты можешь все, а если пока нет, то сможешь обязательно». YA прыгает с ноги на ногу между миром взрослой прозы и миром подростковой, прыгает и кричит: «Дайте нам дорогу!» Право требовать этого он уже вроде имеет, а вот голосочком владеет пока не до конца – то споткнется, то охрипнет. Сколько же там надрыва и огня... вот только все это, опять же, не совсем про *Lux in tenebris*. Его ЦА с этой аудиторией пересекается точно.

У меня слегка сводит зубы, потом немеет в груди. Это уже не скорбь, это темная редакторская досада: очень жаль Варину книгу, которую мы на июнь в плане прочили. Одно название чего стоило – «Волки воют на солнце». А сюжет? Критики ждали-обождались. Россия за несколько месяцев до Февральской революции, с юношей из личной охраны царской семьи начинаются странности: у него появляется способность смотреть на солнце не щурясь, потом на солнечной поверхности он видит золотых волков и наконец начинает слышать их вой. Чем больше воют волки, тем ближе кровь. Воют волки перед всякой бойней, а громче всего – в день Отречения и позже, многим позже, в утро перед екатеринбургским расстрелом. Молодой человек ломается в горниле перемен, тщетно пытается спасти государя, к которому испытывает болезненные *ростовские* чувства, примыка-

ет к Белому движению, раз за разом обретает и хоронит друзей, в конце концов уезжает, надеясь обрести лишь одно – тишину. Все это – то в снегу, то в крови; все – под тревожный вой солнечных волков, существующих не то взаправду, не то у героя в голове; все – чудесным языком, похожим на Пастернака и Булгакова. Варь... ты в синопсисе не написала про финал, у тебя вообще синопсисы слабее книг на порядок. Чем закончилась история? Замолчали волки? Почему анархист Махно, с которым героя столкнула судьба, тоже их видел и слышал? И – хотя это в большей степени вопрос к YA, чем к твоему жанру, – полюбил ли мальчик хоть кого-то, кроме мертвого царя?

– Тогда либо все же «Голоса ночи», либо No limits, – с усилием возвращаюсь к Сабине.

– Я решу. – Динка уже глядит пободрее. – Книжка крутая! Просто... просто... ох.

– Вот и реши. Порадуй ее, напиши, спроси, что хочет на обложку. Она там грустит.

– Поняла. Павел Викторович... – Уже отступив было, она оборачивается.

– Да, Диныч?

– А те полицейские вам ничего не говорили? Про убийцу?

– Нет. Ничего. Вообще мало выходили на связь, так, спрашивали по мелочи. Слышал, правда, что задним числом еще узнавали у руководства обо мне, может, о тебе, вообще обо всех, с кем Варя общалась. Собирали информацию, от-

рабатывали версии. Но без подвижек.

– Ясно. Ладно, пойду работать. – И она убегает, качнув хвостиком.

– Диныч, я переиздание придумал. Как раз в «Свет...». Перешлю тебе одно письмо!

– Жду. – Даже не оборачивается.

У нас обоих нервные голоса. Как-то не помогает нам ва-лерьянка.

Проводив Динку взглядом, зачем-то захожу в инстаграм. Я ни на кого почти не подписан: только аккаунт издательства, родственники, мои Три Девицы и человек восемь авторов, среди которых Джуд и Варя. Все молчат, даже сестра притихла. Обычно-то у нее ни дня без нового кулинарного опыта: не суфле с ревенем, так тартар из страуса. Только Джуд выложил очередную фотографию Кекса – своего толстого французского бульдога, сегодня он пожирает банан. Как и часто, вместо текста – кучка смайликов-собачек, а в ответ – тонны комментариев: «Лапочка!», «Какой миллаш:)), «Пусик». Комментарии всё больше от молоденьких и не очень молоденьких читательниц, и я уверен: не все они про Кекса.

В ленте – реклама компьютерной игры. Забавно, я не заходил ни на один соответствующий сайт, да что там, у меня по-прежнему шариковый Мыш. Ну и где обещанная «таргетированность»? Ах вот оно что. Описание. Немного напоминает Варин последний роман «Всего лишь игра», о про-

валившейся в виртуальный мир девчонке. Какие-то пираты, враждующие банды, вожак одной из них – рыжий оборванец с лицом благородного аристократа – поднимает флаг с красным ромбом...

«Двадцать лет назад Великая Чума охватила вольные острова Четырех Мастей. После нее остались лишь скорбь, смерть и запущенные сады Ушедших Королей. Орден докторов-инквизиторов призвал выживших на Пятый остров и с зараженной армией захватил цветущую Веронату – самый богатый, не тронутый болезнью город архипелага. Отныне Вероната – оплот Ордена, и всюду здесь тени в птичьих масках. Они охотятся на ведьм и инакомыслящих и, обращаясь стаями воронов, слышат самый тихий шепот. Никто не возвращается из застенков Несвятой Инквизиции... И никто не знает, что Магистр, объявивший Великую Чуму карой за грехи и захвативший благодаря ей власть, сам – грешник. Но сопротивление зреет. Последние пираты островов Четырех Мастей еще не объединились, но уже ищут артефакты, которые помогут им в грядущей войне. Выберите сторону. И вместе с капитаном Даймондом вы уже не выветесь из мира захватывающих приключений».

Забавно. Даймонд – по-английски «бубны». Герой Вари – жгучий венецианский брюнет по кличке Бубновый Туз, но, что называется, идеи витают в воздухе. Вышла игра уже после того, как книга отправилась в печать, но все же интересно: Варя видела наброски локаций и персонажей и вдохно-

вилась? Или кто-то из разработчиков читал ее посты о новом романе и развил игровой мир? Впрочем, пока нет судебного иска, мне все равно. Варина фабула совершенно иная, классическое попаданство с неклассическим исходом, ведь...

«Когда теряешь кого-то важного, в тебе запускается обратный отсчет.

Десять.

Девять...

Прощай, Джакомо, мой Бубновый Туз. Я досчитаю до единицы и выключу игру.

Я досчитаю до единицы, и меня не будет, потому что теперь я знаю: меня и не было».

Девочка, по словам Вари, слишком тосковала по тому, кого оставила, тосковала настолько, что никакая «авторская воля», с которой Варя и так не дружила, потакая свободолобным героям, не помогла. Прямо Варя о самоубийстве не написала, оставив все на усмотрение читателей: боялась наших законов. Мне же призналась: «Паш, я знаю. Она выключила компьютер и вышла в окно».

Теперь в окно вышла Варя, а до единицы считаю я. Считаю, снова зачем-то открывая Варин инстаграм.

На своих литературных сайтах Варя выключала личные сообщения, в соцсетях почти не сидела. Пока наконец она не обосновалась в инстаграме и не появилась адекватная возможность до нее добраться, люди порой использовали возможности неадекватные:

писали ей письма на единственный доступный адрес, в издательство. В конце концов, когда писем, часто даже живых, бумажных, стало слишком много, их начали торжественно сгружать мне на стол: сначала, чтобы я посмеялся, потом – чтобы меня позлить. Я пытался выдать их адресату. Адресат отказывался. Варя вообще образ жизни вела закрытый, даже работала из дома. Письма оставались мне. Из любопытства я их вскрывал: вдруг, как в советские времена, кто-то приложит списки пропущенных корректором опечаток? Полезное дело.

Опечаток люди, видимо, не замечают или считают ниже своего достоинства выполнять чужую работу. Зато часто, читая письма для Вари, я просто терялся. Ей говорили то, что, казалось, чаще слышат духовные учителя, ну в крайнем случае психологи. О том, как кто-то, прочтя ее книгу, решился завести друзей; о том, как другого человека она вывела из творческого кризиса; о том, как третий обратился к Богу... «Вы хорошая», «Пожалуйста, не бросайте писать», «Я не знаю вас, но я вас очень люблю...»

Она все упрямилась, и тогда парочку я процитировал ей по телефону: надеялся, что уж после этого-то она уверится, что у нее чудесно выходит делать добро. Она только сказала: «Спасибо, но... не надо больше. И не вскрывайте». Я знал ее уже достаточно, чтобы понять.

Маякам не кричат. На маяки идут. И не разбиться о камни – уже достаточная благодарность их теплему ободряющему свету.

4. Прокуренная реальность

Дурак я. Шутки у меня дурацкие. И автор я неправильный.

Ну, так говорят, может, и не зря.

А все потому, что не понимаю я некоторые ложки-поварешки на творческой кухне.

Например, я не понимаю тех, кто, начиная книгу, садится, берет лист и... вместо того чтобы сразу писать, долго, трудно, скрупулезно ищет образы. Оптом. Сначала главгероя, потом – главгада или даму/недаму сердца, наконец – их окружение до последней собачки. А еще есть ведь всякие алмазы героя, анкеты его качеств, фотки актеров, вдохновляющие на внешность, – мол, купи три коробки острой курочки и собери голубя! Нет, я не стебусь, не обесцениваю и понимаю, что у всех у нас по-разному устроены головы, а сборка голубей (простите!) – лишь еще один из способов настроиться на творческий процесс и перестать его бояться. Это у меня субъективное: многовато плохих примеров перед глазами. Моя сеструха всем этим в четырнадцать лет баловалась, целую тетрадку со схемками и вырезалками завела... а в итоге ни главы не написала. Слишком топталась много, перегорела. Ну а план сюжета? Вроде все логичнее, но для меня – мертвечинка. Он потом меня же и затормозит, когда герои нагло заявят, что все

было не так, и разбегутся как хомяки. Как говорил мой дед (про что-то другое, про меня вроде: D), «це хуйня!». И я согласен. Зависим я от внезапных встреч и поворотов – чтоб было как в жизни, а план и тем более поглавник жизни составить нельзя. Никогда не знаешь, кого встретишь. А главное, никогда не знаешь, с кем останешься.

Я честно пытался, но те, о ком правда стоит писать, у меня не «придумываются» и планам не подчиняются. И их друзья, враги, питомцы. Они просто заявляются в голову, иногда вежливо постучав, а иногда влетев верхом друг на друге, держа в руках ведро мороженого или динамита. Они как Джинни: кружа рядом, обещают, что *you'll never have a friend like me*¹⁰, но у них нет ни лампы, куда их, засранцев доставучих, можно прогнать, ни привязанных к рукам и ногам ниточек, за которые получится тягать по распланированному сюжету. Переписывать биографии. Менять форму носа и пол, класть в чью-то постель. Подлаживать под повестку или наоборот – сбавлять обороты остросоциальности.

Первым, кто вот так пришел ко мне однажды, был... Бог. Из моего мира, но вполне себе настоящий. От него веяло силой и иронией, и сказал он: «Брось Паланика, сын мой. Он хороший парень, но он не ты. Писательские советы нужно читать, когда уже сам можешь дать хоть парочку. Садись и пиши. Ведь ходить

---

¹⁰ «Friend Like Me» (англ. «Друг, как я») – песня из диснеевского мультфильма «Аладдин» 1992 года. Автор музыки – Алан Менкен, текста – Ховард Эшман.

ты научился сам, нет?» Я сразу спасовал, принял правила его игры, и... для меня они справедливы. Никаких чужих советов. Планов. И переделок. Потому что с живыми существами так не поступают. Либо принимай их такими, какие есть, либо оставь в покое. И всегда, слышишь, всегда слушай их голоса, не подменяй своим. Да, @ereti4ka_vanilla? Мы-то сечем!

Она, конечно, не ответила. Наглый, хотя вроде без наезда пост. Комментарии малохольные: «Точно!», «+100500», «Я б ни за что не стала страдать фигней с планами, если б писала книги», «Ахаха, ГОЛУБИ!», «И как ты только держишь столько всего в голове? Ты гений?» Сплошь от фанатов, ничего удивительного. Есть и пара возражений от коллег: «А мне вот планы помогают, особенно когда линий много...», «У меня все всегда начинается с героя, я его долго придумываю и должен пощупать». Даже есть пара претензий в духе «Не удивительно, что у вас герои такие чудные», «Если не прописать характеры заранее, они плывут. Замахнитесь на что-то посложнее фэнтезятины – увидите», «Токсиченько». Евгений Джинсов – @hey_jude_1_9_8_7 – отвечает благодушно. Кому-то смайлит, кому-то бросает: «Понимаю, каждому свое», кому-то философски напоминает, что есть много куда более сложных книг и менее токсичных блогов, а он, болезный, только вчера слез с пальмы. Ванилла, Варвара, Варя лайкает некоторые его комментарии. В конце она все же пишет: «Жень, не будь злыднем, я тоже сейчас

пишу книжку с планом и... с поглавником!» Ответ: «Предательница!» Три орущих от хохота смайла, кислотно-желтое сердце и волчья морда.

Этот парень, с которым пересеклись на похоронах, подписался на Дмитрия сам. Как только нашел среди тысяч чужих подписчиков? И без фото? Впрочем, черт с ним, книги все равно были в планах. Джуд Джокер относит их к жанру брейн-фикшен¹¹: грубо говоря, проза для людей с мозгами. Насколько «брейн», учитывая, как охотно и массово его читают? Пока не сказать. Вроде там свой мир, довольно популярный. Мир Пяти Часов: сотворил его местный Господь (видимо, тот самый, из поста) ровно в 17:00, осознав, что Ему не с кем пить чай. Бог этот на фресках всегда с чашкой в одной руке и кубиком сахара меж пальцев другой; чай – священный напиток, а пакетирование – богохульство. Зеленые, красные и черные эльфы – аристократия – появились из молодых чайных листьев. Из заплесневелой заварки родились лишайные демоны. Вампиры – дискриминируемая раса, потому что не наследуют Царства Чайного. И прочее в таком духе – разошлось на мемы настолько, что известно даже людям, которые Джокера не читают. Самих книг уже штук десять, их хвалят за язык и «яркий мир, папахивающий старой Англией и способный догнать Плоский». Пока наиболее популярная подсерия первая, пародия на вудхаузовского

---

¹¹ Термин популяризировал писатель Андрей Жвалевский для своей фантастической дилогии «Мастер с глаза» и «Мастер Силы» в 2005 году.

«Дживса», про туповатого молодого эльфа и его гениально-го дворецкого-вампира. Хотя есть и что-то про местных сыщиков-привидений, и про Божьего Сына, сошедшего на землю в поисках друзей. Кажется, этот неординарный, но узнаваемый по отдельным отсылкам юноша подружился с белой-оборотнем.

Посты в основном бессодержательные: книжка-еда-собака-какойто мужик-собака-собака-собака. Все буквенное – под селфи, с которых нагло щурится бледный блондин с голубыми глазами: просто «гей, славяне!», если не учитывать, что глаза лихого татарского разреза.

Читать посты – все, что остается сейчас, глубокой ночью, когда наконец можно домой. Читать, просто чтобы не заснуть, пока Лешка милостиво играет роль шофера. Уровень доверия «пустить за руль неслужебной машины» достигнут довольно давно, но, когда Лешка свалит к себе в халупу, дальше вести придется самому. Потому и надо не отрубаться, а отвлекаться, пинать мозг. Придурочный Джуд вполне сгодится. Вот, взял и борзо написал в директ:

«Ну что, как расследование, господин полицейай?»

«Никак».

Сухо. Коротко. Смайл, бьющийся об стену, подошел бы больше, но пользоваться смайлами – детский сад. Прочтя мысли, соответствующий смайл присылает сам писатель. Свидетель. А может, и подозреваемый, хотя сомнительно. Проверено: Евгений Джинсов вел во время смерти Варвары

Перовой пару в университете. Он дипломированный психолог.

«Есть мысли, как продвинуться. Заделюсь попозже».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.